

Галина Беззубова

Бизнес-бомж

Галина Беззубова

Бизнес-бомж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40149194

ISBN 9785449606150

Аннотация

«Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно». Быть бомжем – это страшно, но, как показала практика, это не страшней смерти. Я знаю одно: чаще всего бомжами не рождаются, ими становятся. У каждого из них есть богатое прошлое, их судьбы. Взлёты, полёты, падения. Конечно, можно услышать фразу: «Сами виноваты, сами докатились до этого». Но... «не суди – и не судим будешь».

Содержание

Глава 1	9
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	40
Символ вечной любви, или девушка по имени Симона	74
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Бизнес-бомж

Галина Беззубова

© Галина Беззубова, 2019

ISBN 978-5-4496-0615-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шёл резкий холодный дождь. По одной из улиц Петербурга летел на скорости новенький серенький «Форд». Свернув у гостиницы «Октябрьской», он, резко взвизгнув тормозами, остановился. Через минуту из него вышел статный высокий человек лет сорока пяти. Лёгкой походкой он направился к лежащему на земле, скрученному, как замершая брошенная собака, бомжу. Крепкая рука протянула тёплую ладонь – ладонь милосердия.

До умирающего бомжа донеслись откуда-то издалека, как стук дождя, слова:

– Ты жив?

– Да.

– Вставай, пошли, я дам тебе дом.

И ничего вроде бы не было в этом удивительного, если бы не один факт, который поразил меня до глубины души.

Эта история пришла ко мне неожиданно, посреди улицы, под визг колёс.

Было такое чувство, что мой ангел опустил на моё плечо и за какое-то короткое мгновение прошептал мне на ухо судьбу Степана, чтоб я могла передать её вам.

Я в своём незатейливом рассказе, смешном на вид, хотела сказать многое, не знаю, получилось ли у меня. Судить не мне, а вам. Но я считаю, что я обязана была рассказать людям то, что знаю, а знаю я то, что если человек захочет жить, то жить он будет в любом положении и состоянии.

Наша боль по сравнению с болью тех, кто остался на улице, не так страшна и не так непреодолима. У нас есть дом, семья, есть близкие люди. Так давайте любить, беречь друг друга, оберегать. Ценить каждый день своей непредсказуемой жизни.

Как часто мы о многом забываем, о многом не думаем, многое не замечаем и многое не видим! Мы так стремимся понять всё возвышенное, неопознанное и сверхъестествен-

ное, что постепенно перестаём видеть и воспринимать всё простое, а если и понимаем, то как-то по-своему, со своей колокольни, считая это должным, как бы само собой разумеющимся.

Как часто мы не ценим то, что у нас есть, и горько, громко, в голос или молча, задыхаясь, рыдаем, потеряв то, что было нам дорого. Не мной придумано: если не беречь любимую кружку, постоянно её швырять и ставить на край стола, то она в конце концов разобьётся, лишив своего приятного присутствия в руках. Всемирный закон: мы лишаемся того, что не ценим и не храним своей любовью.

Многое в человеке понятно, только непонятно одно: зачем ломать то, что есть, зачем рушить то, что было? Затем, чтоб потом в страданиях понять, насколько оно было нам необходимо. Многие из нас, имея две руки, две ноги, принимают это должным, не видя, не чувствуя в этом счастья. При всём при этом находят тысячу причин, чтоб быть несчастными. И только лишь те, кто этого лишён или лишился в силу обстоятельств, в объятиях тёмной тихой ночи, не смыкая глаз, мечтают о том, как бы они могли быть счастливы, если б могли вернуть, что бы они могли отдать, чтоб это иметь. Почему только в такие моменты человек понимает, что именно это – составляющая часть его счастья в жизни?

Как часто мы не ценим и не бережём близких, толкая их своим непониманием, безразличием или раздражением в бездну мрака, и, только потеряв их совсем, понимаем, что эта утрата и есть самое большое горе на Земле, которое (как показала статистика) не каждому под силу перенести. От сумы, от тюрьмы, от беды никто в этом мире не застрахован – старо как мир, и это нам надо помнить, нам надо ценить и беречь каждый свой миг, каждое своё мгновение, благословлять и любить каждый свой день, вечер, ночь, утро. Мы живём сегодня, завтра и вчера.

Можно нашу судьбу представить в виде большого каменного колеса, что предстоит человеку крутить на протяжении всей своей жизни. Смысл весь состоит в том, в каком состоянии будем содержать своё колесо судьбы. Кто-то крутит быстрее, кто-то медленней, кто-то рвёт его рывками, постоянно дёргая, как плохой водитель – свой автомобиль. Многие просто иногда покручивают, не прилагая больших усилий, колесо чахнет, сохнет и покрывается пылью, плесенью и со временем, не делая больших оборотов, замораживается совсем. Но в этом деле есть очень важный момент. Никогда нельзя забывать о том, что чем сильнее его раскрутишь, тем больше вероятность, сорвавшись, слететь ему с оси. Как часто это колесо выпадает, летит, руша всё окружающее его. Но бывает так, что от удара оно колетса на части, или, ещё хуже, разбивается вдребезги.

И всё как всегда зависит только от нас. Хватит ли у нас сил, терпения поднять его, установить, чтоб оно опять крутилось в своём привычном безмятежном режиме жизни? Важно, как мы восстановим наше колесо, сможем ли найти его осколки, хватит ли у нас умения склеить и отшлифовать их, чтоб они не выпадали, не скрипели и не цеплялись при каждом его движении и обороте в будущем. Если крутить его правильно, то оно от времени сотрётся до последней песчинки, тогда мы обретём лёгкость и свободу, взметнувшись в простор нашей великой Вселенной.

Глава 1

Из соседней квартиры донёлся сильный шум, крик и плач врезался в сознание Степана с такой силой, что он очнулся от крепкого сна. Хотя, если сказать честно, то сном его провалы в памяти назвать очень сложно.

Первое, что он ощутил, – это полную сухость во рту и трудно, с болью открываемые глаза. После каждого перепоя они затекали, а веки почти полностью срачивались за то недолгое время, пока он находился в забытьи. Полежав несколько минут, Степан попытался встать. Долго лежать смысла не было, так как ни при каких усилиях он никогда не мог вспомнить вчерашний день. Хотя, может, это и к лучшему, потому что это ему было абсолютно ни к чему. Они все уже давно стали пусты, просты и однообразны. Боли он не чувствовал, не ощущал холода, не понимал голода, и только по утрам, но это было недолго – несколько часов, его беспокоили шум в голове и стук в висках, тряска рук и онемение ног.

Степан, собрав все усилия, попытался встать, тело было тяжёлым и чужим. Жажда – вот что никогда не покидало Степана, он всегда хотел пить, что-то из спиртного или просто сырую воду. Тошнота подошла к горлу, а потом, через

три толчка, остановилась где-то в солнечном сплетении. Желудок за многие годы стал как детская рукавица, намокшая после игры в снежки и высушенная на печи. По этой причине большого вреда нанести он не мог его почти онемевшему телу.

Степан с усилием перевернулся, оперся на локоть и с трудом поднялся. Подошёл молча к раковине, открыл кран. Его взгляд застыл на бежавшей струйке воды. Вода текла и текла, а он смотрел на неё как-то сегодня иначе, она шумела и опять текла, и вдруг он вспомнил день, когда крестили сына приятеля. В то беззаботное время в их кругу это было очень модным – заказать дорогую церковь и пышную церемонию, закончив её в одном из гламурных ресторанов. Там Степану протянули кружку воды, набранную из-под крана большого чана, стоявшего в углу храма. Именно там его взгляд замер на скользящей струйке воды, показавшейся ему на какое-то время живой. Тогда в храме он, тоже никогда не верующий в Бога, как-то поймал себя на мысли, что вода течёт живая, та, о которой ему в раннем детстве рассказывала бабушка в своих незатейливых сказках.

Он с трудом протянул свои огрубевшие распухшие ладони под струю воды и стал вдруг жадно её пить. Она, холодная, скользнула к нему в рот, в горло и проскользнула змейкой по всей широкой груди Степана, как бы омывая и промы-

вая какое-то место. Он набрал снова полные ладони и омыл лицо, снова и снова он стал плескать воду себе на лицо, совсем не осознавая, что с ним происходит. Только какая-то радость – тонкая, прозрачная – промелькнула в его душе. Долгие годы он о ней не размышлял и забыл вроде бы совсем. Чудо! У Степана вдруг после долгих лет появились силы и мысли:

«Надо скорей идти, наши там уже собрались. Я сейчас выпью, сразу два стакана подряд. У меня получится, у меня снова появился аппетит».

Аппетит в этом положении определял количество спиртного. «Своими» он называл друзей по несчастью – небольшую стайку полуживых алкоголиков, бомжей и бомжих. Он давно ничем от них не отличался. И если б у него остался кто-то из знакомых, то он вряд ли смог бы узнать Степана в этой кучке похожих друг на друга людей.

Закрыв свою квартиру, в которой не было ни света, ни мебели, ни жизни, навесным замком, он быстрее обычного спустился по лестнице. Свернув в переулок, Степан вдруг почувствовал ветер в лицо, ухмыльнулся и пошёл быстрее, так быстро он не ходил уже лет десять и не ощущал ни ветра, ни снега, ни дождя. Его давно не было, было чужое тело, которое он получил, и стайка таких же серых неживых бомжей.

Визг вонзился в сознание Степана, прорезав его барабанные перепонки. Резкий огонь обжѐг вначале голову, потом ноги, затем всё тело, унося его в пространство с глухим стуком. Степан так и не понял, огонь был вначале или глухой стук.

Глава 2

Степан поднял с лёгкостью веки, и белый свет ослепил глаза. Прищурясь, он закрыл их совсем и, полежав несколько секунд, ощутил мысль в голове:

«Что это? Я умер? Уж какой-то свет совсем неестественный. Что за бред, как я мог умереть, если я думаю. А что это тогда? Может, рай? Ну я загнул, уж что-что, а рай-то точно мне не светил никаким местом, никаким светом».

Смех проскользнул в сознании Степана. Вспомнился анекдот.

Чѐрт бежит по улице, смотрит – на него со всей скорости летит джип.

Чѐрт остановился от изумления.

Джип на скорости с врезается в него.

Он отлетает на пять метров, скручиваясь в полёте, делая из себя пропеллер, и думает: «Если б кто-нибудь ещё за хвост меня крутанул, то я б точно до рая долетел».

«Да, шутки в сторону, где я? И этот джип. Откуда он пришёл мне в голову? И этот чёрт... Да, точно, вспомнил, джип и полёт. Так всё-таки умер. Надо открыть глаза и осмотреться. Говорят же, хуже и страшней смерти ничего нет».

Он ещё раз начал медленно открывать глаза, к великому удивлению, они открывались легко и просто. Резкий свет снова ослепил Степана.

«Что это?» Разозлившись, он резко открыл глаза, комната была наполнена тёплым, нежным светом. Степан такого и отродясь не видел, не то что в последние двенадцать лет, когда всё у него пошло под откос. Мгновенно полетело... с такой силой, что он не успел схватиться ни за какую ветвь или трость, а через некоторое время он просто и хвататься не стал, пока не долетел до самого низа, куда уже человек в социуме ниже и опуститься не может.

Отличался он от тех бомжей, что живут в подвале, только тем, что у него каким-то образом уцелела квартира. О ней как-то все забыли, так же как забыли о нём. Только в самом начале этого падения приходили раза три, чтоб свет отре-

зять, со временем и ходить не стали, по одной причине: он его просто не стал подключать, жил так. Да свет ему и не нужен был: ни телевизора, ни телефона, ни радио, ни друзей и близких тоже. В его сознание давно ночь сравнялась с днём, ему было глубоко наплевать, темно или светло. В темноте он видел столько же, сколько при свете: стакан, крышку, банку, бутылку – и определял их скорее по запаху и на ощупь.

Глава 3

От слепящего света он ничего не мог видеть, один свет, сплошной свет. Через несколько секунд он тяжело подумал: «Если это рай, то лучше бы я попал в ад, там, может, не было бы этого дебильного света, который проедает мне не только глаза, но и мозг. Тот, что не успел за годы окончательно высохнуть». Степан вновь закрыл глаза и провалился в глубокий тяжёлый сон.

Он несколько дней провёл в глубоком забытье и лишь потом, несколько лет спустя, будет вспоминать, что видел маму, которая сидела у его постели, что-то тихо и нежно напевая, поглаживая ему то лоб, то руку своей мягкой, нежной ладонью. Видел отца, который почему-то молча стоял и смотрел на него каким-то другим, не своим взглядом. Свою красивую, весёлую, с голубыми глазами, Ольгу. Только глаза у неё были какие-то очень грустные и наполненные большой печалью. В жизни он никогда не видел у неё такого глубоко думающего и дающего жизнь и силу взгляда. Степан то и де-

ло видел Мишутку и Алёшку, которые по очереди подходили к кровати и тут же растворялись, так же как появлялись.

Придя в себя... Хотя это неправильное выражение, в себя прийти он не мог, так как «себя» уже давно не существовало: был тяжёлый мешок, набитый сплошным дерьмом, – без чувств, эмоций и ощущений.

Полежав немного, он попытался вспомнить, что же всё-таки с ним произошло. И Степан вспомнил воду – живую, чистую воду, с сильным напором льющуюся из крана. Холодную, скользкую у него где-то в груди, омывающую и очищающую его душу. Потом угол дома, поворот и... бац!!!

«Да, это точно был джип». Когда он повернул голову, то увидел, как автомобиль с огромной скоростью летит на него. Думать о чём-то далее ему не пришлось. Удар, ожог, покой. «Несколько дней, наверное, покоя? Интересно, сколько дней я лежу? Я же лежу – и это точно, что я лежу и я не умер, я живой. Какой бред, какой дурак взял бы меня в больницу? Если это больница... У меня давно нет документов. А если это не больница? Ещё тупее мысль. Кто бы меня взял к себе?»

Люди давно сторонились Степана, не подпуская его близко, высказывая, кто что по этому поводу думает, а он

и не обижался ни на кого и никогда, ни за что. От него и правда всегда пахло, если это можно так назвать, как от козла. Степан часто не мог дойти до туалета и нужду свою справлял прямо под себя. К тому же и почки у него отказали уже лет пять назад, он так думал, когда смирился в очередной раз с тем, что не снимал свои портки.

«Да что там, всё равно по капле – высохнет. Да, смерть – это хорошо». Степан не боялся смерти и не ждал, ему было глубоко безразлично, сегодня, завтра или никогда. У него не могло быть смерти, он так думал, так как у покойников её не бывает.

Вспомнился один разговор с дворником очень ранним утром.

– Вставай, чего разлёгся, сдохнешь ведь.

– Не сдохну, я давно уже сдох.

– Дохлые не разговаривают, а ты ещё отвечаешь, значит живой.

– Живой, только проку-то в том ни мне, ни людям. За всеми смерть – и с косой, и с метлой, а у меня посидит-посидит в ногах – и других забирать уходит. Видно, ей тоже не нра-

вится, как от меня пахнет. А может, тяжёлый, нести не хочется. Думаю, что всё-таки на мне грязи больше чем положено. Всё ждёт, когда я вымоюсь, но я и не собираюсь, ей надо – пусть моет, а мне и так хорошо, теплей в мороз спится, я и так труп.

– Вставай, вставай, вон милиция едет.

– А мне-то что? Уж им-то я точно не нужен. С меня-то что взять? Ни взять, ни снять. Катать они просто так никого не будут. Не бесплатные извозчики с предоставлением ночлежки. Это для земных – рай такой и благодать.

– А ты что, неземной, что ли?

– Нет, я как дерьмо в прорубе, всё болтаюсь и болтаюсь – ни утонуть, ни вылезти.

– Ладно, пошёл я улицы убирать, с вами поговоришь – и сам бомжом станешь, не работаете, не страдаете, ни милиции, ни смерти не боитесь.

Дворник заскрипел своей деревянной лопатой ещё легче и быстрее, но снег падал и падал, как будто ему назло, не давая добиться желаемого результата. Степан, полежав немного, ещё раз попытался встать. Ног он как всегда не чувство-

вал, и руки совсем стали какие-то деревянные. С большим трудом опёрся на них, представив, что это протезы, встал на колени и пошёл, или, правильной, пополз, к себе домой.

Домой он всегда возвращался, не зная, почему и зачем, давно перестав делать какие бы то ни было определения, механически, на подсознательном уровне, свой курс держал в сторону дома.

Глава 4

Степан, полежав, пересилив себя, открыл глаза. Перед ним сидела девушка – нежная, красивая, будто соткана была вся из света, чистоты и любви. Эту любовь он увидел, почувствовал в реальном естестве и свете.

Жаркая волна хлынула по всему его телу, от макушки до пят, напоминая повышенной дозировки горячий хлористый укол. Через мгновение жар начал возвращаться с кончиков пальцев ног к животу, потом к желудку, к сердцу, к горлу, к глазам и заполнил всё холодное тело Степана. Не выдержав такого сильного давления, Степан вновь впал в забытьё.

Когда он вновь очнулся, первым, что он услышал и ощутил, был стук – стук сердца. Степан удивился, почувствовав вдруг его. Оно было живое, маленькое, подобное воробью, слабо зажатому в ладони человека.

Было такое ощущение, что оно не принадлежало Степану, а так, кто-то разрезал его грудь и поместил в неё маленький живой комочек. За много лет он просто забыл о его существовании и давно привык к тому, что оно не даёт о себе знать. Сердце билось, билось в быстром живом ритме, в ритме счастья и любви.

– Вот чёрт!

– Не произноси этих слов при мне, иначе я вынуждена буду тебя покинуть.

Он услышал тихий, приятный на слух голос.

«Кто здесь?» – проскочила мысль в голове Степана.

– Это я, твой ангел-хранитель.

Если бы Степан мог, то рассмеялся бы, грубо и жестоко, только он не мог, так как его тело сковало что-то жёсткое и грубое. Это он ощутил после того, как услышал и почувствовал биение сердца.

«Ангел-хранитель... А где ты был, когда у меня семья вся... Когда моих пацанов, как собак бездомных, перестреляли во время отстрела, когда мою Ольгу, беременную, порвали на части эти козлы!! Где ты был?!! Кого-кого, а тебя

мне точно видеть не хочется, только если убить».

– Я не их ангел, я твой. Я не несу ответственности за чужие мне судьбы, я должна была оберегать и спасать тебя.

– Спасать? Ты о чём? Это ты меня так спасал?

– Я не «он», я «она».

– Да хоть он, хоть она, мне нет никакого до этого дела. Мне черти ближе и родней, вот они если спасают, то точно спасают, всегда помогут на бутылку нам найти. Дня не было, чтоб не помогли. Пашут и днём и ночью, а вы, хранители... какие вы, на хрен, хранители, вас днём с огнём не найдёшь, когда темно или плохо! Сколько слёз я пролил по своим детям, жене и родителям! Ты что, с платком стояла и ждала, как мне подать следующий? Нет, что-что, а хранителей не было, нет и не будет. Человек – он никому не нужен, я это проверил на собственной шкуре. Никто его не хранит, никто ему не помогает, никто его не любит, и если и есть боги, то им глубоко насрать на всё человечество, хоть ты сдох, хоть ты жив. Нет ангелов, тем более хранителей, и я в них не верю, пошла вон! Ты разозлила меня, за много лет первый раз.

– Раз ты способен злиться, значит, ты способен жить. Это вернулась твоя борьба за душу и за жизнь, это ты не прини-

маешь то, что есть, значит, способен отстаивать своё, а если способен, значит, оно у тебя есть. Это твоя душа проснулась от летаргического сна. Ты задушил её тогда, восемь лет назад. Ты не давал ей силы духа, она задохнулась, но, слава Богу, не умерла, много лет находясь в коме.

– Ладно, всё, оставь меня, я устал слушать бред. Ангел... душа... это не ко мне. Ты, видимо, палаты перепутала, если это больница, или этажи, мне вообще всё равно, где я и что это.

Степан хотел, отвернувшись к стене, лечь на бок, как он это делал раньше, когда Ольга в очередной раз начинала перед сном читать ему нотации о неправильном образе жизни, что до добра его всё это не доведёт и что пора бы ему остановиться и перестать общаться с его «братками», что всё это наводит на неё ужас и страх, а у них дети, и это становится совсем не безопасно, что вся их жизнь подвергается риску из-за его беспредельничества. Не любил её слушать Степан, начинал вначале шутить, потом злиться – и, чтоб не выйти из себя, поворачивался на бок, глядя в стену через закрытые веки. Но сейчас он понял, что это – неисполнимое его желание, и отвернуться к стене или куда-либо ещё он не сможет. Так как опять почувствовал сильные жёсткие тиски, сковавшие его тело и голову.

Степан попытался уснуть, но это была пустая затея, так как мозг у него начал работать, как хороший электронный прибор, с бешеной скоростью.

Сердце билось, душа дышала, но не болела. Почему-то, как это было ни странно, его наполняла любовь. Та, которую он ощутил ещё вчера. Она как бы сама вошла в него и наполнила, как пустой сосуд, до самых верхов, заполняя собой всё пространство, окружающее его со всех сторон. Очень захотелось опять увидеть именно ту девушку.

«Ангел-хранитель, – пронеслось в сознании Степана. Но тут же скользнула вторая мысль, заполнив разум Степана злобой: – Что вы можете? Только вред принести и зло! Мне не нужен ангел, уходи!»

Степан открыл глаза – и что он увидел? Перед ним стояла она, его нежная, неопишуемой красоты, вся сияющая лучами, его, да, именно его фея. Волны любви заполнили всю плоть, всю душу, всё сознание. Волна за волной неслись с огромной скоростью вниз к ногам.

«Хорошо, что я лежу, – это было последнее, о чём он успел подумать. И почему-то мгновенно уснул, будто вдохнул хорошую порцию эфира. Он давно уже не знал, где реальность, где сон. – Пусть будет всё так, как есть», – по той причине,

что таких чувств он не ощущал, не помнил с самого рождения. Они были, всякие разные, насыщенные, яркие, резкие.

Степан был когда-то очень эмоциональным, ловким, живым человеком.

Ему очень легко всё давалось в жизни. Первая часть жизни, как он любил говорить, пошла «как по маслу, ещё и подогретому». Подогрел это масло, конечно, папа – куда бы Степан ни ткнулся, кругом он ощущал его мохнатую твёрдую руку: женщины, деньги, успех, купленные дипломы, купленные права, казино, бани с саунами, бассейнами и девочками, рестораны. Но этого было мало, ему надо было власти, большой сильной власти. Чтоб никто и никогда... не только что-то сказать, но и посмотреть плохо в его сторону.

В этом он видел своё могущество и превосходство над другими.

В то время стали образовываться одна за другой бандитские группировки. Модно и престижно, есть где себя показать и проявить, выразить своё превосходство уже над всеми. Это как раз было то, как ему казалось, в чём можно было получить пик кайфа в этой сумасбродной и развратной жизни. За свою жизнь испытал он много чувств и ощущений: познал пик счастья и позор, боль и обиду, горе и слё-

зы, он познал власть и расточительство, полёт и предательство, он знал «выстрелы в упор» и «выстрелы в спину» – всё, как ему на тот момент казалось. Но главного, именно этого, он не знал никогда... таких чувств не было, точно не было никогда – чтоб в одно мгновение душа, тело, сознание были наполнены радостью и счастьем, силой и удовлетворением всего, что могло быть живым в человеке.

Глава 5

С того момента, когда Степан увидел в первый раз своего ангела, в нём стало живым всё целиком и полностью, без остатка – каждая клетка, да что там клетка – каждая составляющая его души, наполненной теплом и лёгкостью, которые охватывали всё тело и сознание Степана.

После долгих часов отключки первым делом ему захотелось открыть глаза. Он не боялся, что когда откроет глаза, то его прекрасной феи больше не будет рядом. Он знал, что она есть и будет всегда, всегда рядом с ним, будет так же близко и неразделимо, как он сам с собой. Откуда была такая уверенность? Он бы объяснить, пожалуй, не смог, да, наверное, и не стал бы.

Многие годы, проведённые на улице, в суете городской, на лавках и под лавками, многое ему дали. Как потом, много лет спустя, он будет шутить: «Мой университет наивысшего разряда». Люди станут спрашивать, что это за заведение. А он мило улыбнётся, покачивая игриво головой, при этом обретая какой-то глубокий, мудрый, спокойный взгляд.

Открыв глаза, Степан увидел, что в палате было темно, к этому времени он уже знал, что это больница и он нахо-

дится в гипсе с ног до головы. Его это несколько не беспокоило и не пугало, разум и душа были заполнены только одним нежным, тёплым, приятным ощущением, чего он никогда в жизни не знал. Но точно знал, теперь знал, что именно этого ему так не хватало. Не хватало в его жизни его прекрасной, нежной феи, от которой исходили свет и тепло, дающие ему жизнь и желание жить.

– Ты где? – тихо произнёс Степан, уже вслух. Но губы были высохшими, а язык – непослушным, и вместо внятного и понятного произношения он издал лишь глухой рык.

– Я здесь, я всегда рядом.

Палата опять наполнилась нежным светом.

– Ты хочешь у меня что-то спросить?

– Да, – сказал Степан не совсем внятно.

– Спрашивай, я отвечу на любой твой вопрос.

– Почему я раньше никогда тебя не видел?

– Потому что ты практически не был один, тебя всегда окружали шумные друзья, ты никогда не звал меня. Я не мог-

ла приблизиться к тебе, там, где был ты, были демоны тьмы. Они ставили стену, через которую я не могла проникнуть к тебе без твоего призыва.

– Раз ты существуешь и есть на самом деле, почему ты не помогла мне спасти мою семью?

– Было поздно, когда это всё происходило, ты был пьян и из-за громкой музыки, крика и визга этих девиц, которые тебя окружали, ты не слышал меня. Я кричала, стучала в твоё сердце, но было всё напрасно. Тебя телефонный звонок не сразу заставил оторваться от них.

– А авария, в которую я попал по дороге домой?

– Ты летел с такой скоростью, эмоции переполнили тебя, ты не владел ни собой, ни своим сознанием. Ярость и гнев заполнили тебя в то мгновение целиком и полностью, они не оставили места для разума и души. Да к тому же было уже поздно, никого из твоей семьи не было уже в живых. Но этот лысый, с ужасной татуировкой на шее в виде змеи, был ещё в твоей квартире. Он изнасиловал мёртвое тело Ольги. Если б я тебя тогда не задержала аварией, то ты бы убил его или он тебя, твоя душа не смогла бы вынести этого горя и испытания. Ты бы погиб в одной из тюрем, а так погиб он. Он получил по заслугам, зло убило зло. Каждому человеку

приходится рассчитывать. Ничто не может быть безнаказанным. Любое совершённое человеком зло несёт наказание свершившему это зло. Ты это должен знать, ты ничего не ценил и не берёг в своей жизни. В наказание тебя этого всего лишили. Вот тогда, сколько было моих сил, я сконцентрировалась и толкнула тот большой камень на дороге тебе под колёса. В экстренных случаях нам разрешено прикасаться к материи. Я знала, что ты останешься жив.

Я долго сидела рядом с тобой, тесно прижав тебя, согревая своим теплом, отдавая тебе свои силы, растворяясь в тебе. Это я летала в ближнее селение, попросила фермера в его сне проснуться и срочно поехать в город.

Вот он тебя и нашёл у того камня, с разбитой головой и разлетевшейся вдребезги твоей не ценившейся тобой самим жизнью.

– Скажи, а зачем я остался жить? Ты-то уже в то время знала, что никого больше у меня не было.

– У тебя была я, а у меня был ты. Перед самым рождением мы, взявшись с тобой за руки, дали слово Богу нашему, что мы пройдем нашу судьбу до самого конца. Мне нельзя возвращаться без тебя, а тебе без меня. Мы вместе, мы едины, мы одно целое. Я – твой ангел-хранитель, ты – мой человек,

которого я должна всегда оберегать и, помогая, спасать.

– Ну и дела, – вздохнул Степан. – Вот оно как, а я-то и не знал.

– Да, многие люди многого не знают, до тех пор пока здесь, на Земле, не призовут господ Бога спасти их и дать разум и прозрение.

– А когда это я его призывал? – Степан выразил негодование.

– Ты – нет, а разум твой – да. Там, у крана, когда ты увидел воду, ты вспомнил о Боге. Кого вспомнишь – тот и появится.

– Ну и дела... «Спасатели»! Одна – камни мне под колёса, второй – машину в меня со всей скорости. Как это понимать? В чём ваше спасение?

– Для того чтоб хирург спас жизнь пациента от аппендицита, он должен прежде разрезать ему живот.

– Да, я вижу, я многого не знаю.

– Да, ты неправильно жил свою жизнь. Но заблудшим и прозревшим Бог даёт второй шанс, прощая все грехи в час

раскаяния и прозрения. Бог дал тебе второй шанс и возможность начать всё с нуля, всё с начала, с чистого листа. С белого и чистого, который ты увидел, когда открыл первый раз глаза в этой палате.

– Выходит, я заново родился?

– Да, заново, но уже с разумом и мудростью, которую ты приобрёл на улице в муках земных.

– Не смейся, какая там мудрость? Бомжи, алкоголики, покрытые язвами и коростой.

– Вот-вот, анализируя всю их жизнь и свою в том числе, ты приобрёл мудрость. Она проявится у тебя, когда придёт время, а сейчас спи, тебе надо отдохнуть и набраться сил. Завтра тебе предстоит очень серьёзный и решающий разговор. Он изменит твою судьбу на все сто процентов.

– О чём?

– Это завтра, утро вечера мудренее. Всё, спи и помни, я всегда буду рядом с тобой.

У Степана, как по чьему-то желанию, закрылись глаза, и он провалился в глубокий крепкий сон.

Глава 6

Степан проснулся от толчка в его скованной гипсом груди. Не успев произнести уже родившуюся фразу, чтоб призвать свою фею, он услышал какие-то голоса, скорее, разговор между двумя людьми. Что-то насторожило его и заставило прислушаться. Наконец донеслись уже понятные слова:

– Как он, нормально?

– Все приборы показывают, что будет жить. Только странно одно: ему вроде, с его переломами и ушибами, пора давно было душу Богу отдать, а он спит как младенец уже второй месяц. Я подозревал вначале, что кома. Теперь понял, что нет, просто сон. Крепкий здоровый сон. Вас что так давно не было, всё в порядке?

– Дела. Я только вчера вернулся в Россию. Дела замотали, проблемы, ещё вот он нервы потрепал. Я понимаю, что он бомж, а бомж, как собака дворовая, никому не нужен в нашей стране. Только это вот так, пока он тебе под колёса не попадёт. Поди докажи, кто там был прав, кто виноват, если б он окочурился. У меня выборы на носу. Спасибо вам большое, вы меня от тюрьмы спасли и от скандала. Моя пьянка за рулём дорого бы мне встала. Дорого бы я заплатил, если бы не вы.

– Да это не мне, это вы ему скажите спасибо, что он копыта не отбросил да рогами за землю зацепился. Черти, видимо, живучи. А я-то что? Я только капельницу ему назначил да антибиотики. Он весь загипсован, как в коконе. Не ест, не пьёт, за ним большого ухода не требуется.

Молодой человек тихо, без звука, опустил в карман врача пачку зелёных купюр и повернулся к кровати.

– Вы мне его только спасите, пусть на ноги встанет. Все мы о нём сразу забудем.

– Понял. Могу идти?

– Да, идите.

Степан, почувствовав, что кто-то подошёл к его кровати, мгновенно открыл глаза. Перед ним стоял молодой человек лет тридцати пяти – тридцати шести, среднего роста, коренастый, с большими серыми глазами.

– Это ты?

– Я, а ты откуда знаешь?

– Да так, сердце подсказало.

– А что оно тебе ещё подсказало? То, что если б я мог, то я бы тебя добил в тот день, не подсказало? Нажрётесь – и несёт вас куда ни попадя, а я из-за тебя всего чуть не лишился... тюрьма... Мне только тюрьмы не хватало в этой жизни. «Люкс» на нары сменить – и из-за чего?.. Из-за бомжа. Да, пацаны бы не поняли, на смех подняли бы. Валяетесь, как банки консервные на дорогах.

– Я не валялся, я шёл

У Степана вдруг откуда-то появилась уверенность в себе. Может, потому, что он знал, что его милая фея находится где-то очень близко. И ему не хотелось, чтоб она краснела или чувствовала себя некомфортно. Он сразу ощутил себя сильным, мужественным воином на поле боя, стоявшим пред той чертой, за которой у него была она. Он не должен пустить на эту территорию своего врага.

Раздражения в голосе, в сознании и в душе у Степана не было, но сила и какая-то высокая гордость – были.

– А ты ещё ничего, а я думал, что бомжи все тупые и пустые. Повторюсь, как консервные банки, – ухмыльнулся Сергей.

– Разные... одни как банки, другие как мочалки, третьи как собаки, но, в общем, они все больные, немощные люди,

которые пережили в своей жизни большое горе или несчастье и не сумели с ним справиться. Сорвались, скатились, свалились в яму, на самое дно. Откуда никогда уже никто не вылезет. Хотя... – Степан задумался и замолчал.

– Что «хотя»? – спросил до сих пор стоявший изумлённый Сергей. – Что ты хочешь сказать – что бомж, проживший полжизни на улице, на помойке, может стать человеком? – он скорчил гримасу. – Полноценным человеком? – он не останавливался. – Крутым человеком, ну очень крутым, даже бизнесменом? – Остановившись в паузе, добавил: – Крутым... бизнесменом. Ха! – он уже начал истерически смеяться. – «Бизнес-бомж». Я сам готов заплатить бабки, чтоб посмотреть на такого. Давай пари: я тебе бабки, а ты мне бизнес-бомжа через три, нет, через пять лет. Я готов подождать. А я потом напишу о тебе книгу, нет, картину. Да-да, картину в шикарном багете и повешу у себя в кабинете. Нет, я её продам, продам её на аукционе, а ты этим вернёшь мне затраченные деньги. Всё, по рукам, – Сергей протянул руку Степану. Пожал его пальцы, торчавшие из гипса, повернулся и пошёл к выходу. Он всё смеялся: – Ну ты меня рассмешил, бизнес-бомж. Пари с бомжом. Хорошая затея, а главное... главное, что интересная и неповторимая. Всё, выздоравливай, потом всё обсудим, – Сергей скрылся за дверью.

– Всё будет хорошо, – слышался, как нежный шум лист-

ВЫ, ГОЛОС.

– Я знаю. Почему-то, – сказал Степан.

– Только есть одно условие. Мы не должны с тобой расставаться. Никогда, ни при каких обстоятельствах, ты не должен забывать обо мне, пока не вернёмся к Богу.

– Как я смогу забыть о тебе? Ты смысл моей жизни, ради которого я должен жить. Я сделаю всё, чтоб тебе было хорошо и комфортно рядом со мной.

– Да, но только есть кое-что, что ты обязан сделать ещё. Почитать Бога своего и возлюбить ближнего своего как самого себя. Это первые две заповеди, о которых ты всегда должен помнить и знать. Теперь спи, тебе надо много спать. Во сне исцеляется твоё тело, а душа набирается сил и познаний, уходя в пространство, связываясь с высшими силами. А я буду оберегать твоё тело. До встречи, мой близкий друг...

Прошло ещё три недели. За окном светило солнце, и свежий живой ветер заполнил палату. Степан часто просыпался, иногда к нему заходил его врач. Были дни, когда он с ним даже кое о чём успевал поговорить. Доктор сказал Степану, что Сергей часто звонит и спрашивается о его здоровье, же-

лая, чтоб он быстрее встал на ноги и начал ходить. Хотя сам врач в это не верил: у него было несколько переломов бедренной кости, а для того, чтоб она нормально срослась, требуется время и, возможно, ещё одна операция. При всём при этом инвалидность ему обеспечена. Он даже поинтересовался, сможет ли Степан восстановить документы, чтоб оформить пенсию.

– Мне не нужна пенсия, я встану и буду ходить – и даже бегать и плавать. Я хочу жить. О Господи, я хочу жить!!! Я никогда не хотел жить так, как хочу сейчас. Я хочу жить! – Степан заорал на всю палату что было сил. Доктор обезумел и застыл, он минут пять не мог прийти в себя, потом очнулся и тихо произнёс:

– Живи...

Доктор шёл по коридору, бормоча себе под нос:

– Надо брать отпуск, иначе с этими дураками сам дураком станешь. Всё, на море, в Крым. Завтра же уеду. Надо позвонить Оксане, чтоб заказала нам билеты в два конца.

Глава 7

Сердце Степана билось молотом, душа дышала всей грудью. Сковавший его гипс не казался ему коконом, который приводил бы его в изнеможение, а напротив, он чувствовал себя рыцарем в воинских доспехах. Сожалел он только об одном – что не может встать и пойти. Жизнь как-то резко хлынула сильным живым потоком в его сознание, наполняя его. Он дышал, думал. Мысли одна за другой сменяли его рассуждения, всё неслись и неслись. Раньше он вроде бы как-то и не замечал за собой, что любил так думать, рисовать воображаемые картины, слыша в них музыку. Мир его стал наполнен прекрасным, нежным живым воздухом и просто светом. Душа ликовала, подталкивая его на какие-то поступки, но поступки все сводились почему-то к одному.

Степан лежал и думал, как ему помочь всем тем, кого он оставил там, на улице, – той стайке сереньких голодных грязных бомжей. Ему вдруг захотелось построить баню. Да, баню, русскую баню с паром и с водой, в которой будет очень много веников из дуба, берёзы, облепихи.

«Смешная затея, – подумал он. – Из облепихи... она же как ёж колючая, даже больше. Кто её выдержит? Я что, садист?»

Степан услышал нежный тихий голос своей спасительницы. Теперь он её называл именно так: «моя спасительница». Он знал – не догадывался, а знал – что его спасла она, а угробил себя он сам, только сам. Голос продолжил его мысль:

– Облепиха, именно облепиха им будет кстати, так как тела у них огрубели, и только иголки помогут им восстановиться и снова научиться чувствовать.

– Но кто этого захочет? – задал вопрос Степан. – Они же не видят тебя и не верят, что ты есть.

– А меня они видеть и не должны, это совсем не обязательно. Им просто надо призвать своего Спасителя, просто надо поверить, что жизнь продолжается в любом состоянии с верой в Бога. Если в Него поверишь, никто никогда не заберёт твою жизнь, если ты сам не отречёшься от неё. Ты им поможешь, поможешь поверить в себя и в свои силы.

Степан задумался и сник.

– Помогу... Только как я это сделаю?

– Спи, всё придёт само собой, положишься на Бога нашего – и он всё решит за тебя. Ты просто верь, что всё будет хо-

рошо. Скоро ты встанешь и будешь ходить. Я покажу тебе твою дорогу, она есть, и я её знаю, и ты её знаешь тоже. Просто ты не всегда будешь видеть облик мой, но моё присутствие и мой голос будешь слышать и чувствовать всегда. Я буду всегда с тобой рядом, я буду в твоей душе – это мой дом. Я только иногда буду уходить, чтоб донести наши мысли и просьбы Богу. А теперь спи, спи и ни о чём не беспокойся, ты под моей защитой, я с тобой.

– Я хочу сам тебя защищать и оберегать, – произнёс тихо Степан.

– Ты защищаешь меня и оберегаешь своей любовью и верой в меня. А любовь и вера – это сила, что наполняет меня и даёт жизнь. Люби меня, а я люблю тебя. Когда наша любовь окрепнет, мы сможем её дарить людям, тем, кто в ней нуждается.

Степан закрыл глаза и умчался в какое-то пространство. Там он снова встретился с мамой, отцом, Ольгой, Мишуткой и Алёшкой. Только на этот раз они все были в просторном чистом поле. Стояли и нежно, с любовью, смотрели на него. Степан не подходил близко, но любовь к ним, без тоски, без боли, ощущал. Он не винил себя в их смерти, и они ему казались живее живых. Чистые, светлые и красивые.

Глава 8

Прошли дни, недели. Степан пребывал в своих снах, они ему нравились, он часто видел Ольгу. Мишутка с Алёшкой смеялись, а мать и отец говорили ему всё то, что когда-то пытались сказать, но он их обрывал на полуфразе, не дав возможность быть услышанными. Теперь он с вниманием осмысленно вникал в каждое их слово, взгляд, звук, приходящий от них. Ему с ними было так хорошо, как никогда не было в прошлой жизни. И просыпался он только для того, чтоб, открыв глаза, увидеть свою нежную, сотканную из света фею.

В эту ночь он, как всегда, говорил долго с отцом, но вдруг увидел за спиной свет, быстро заполнивший пространство. Он стал невыносимым. Степан проснулся. Перед ним стояла, всё так же красива, его Спасительница. На этот раз она начала разговор сама, обратившись к Степану с немного жёсткой и напористой речью:

– Извини, что прервала твою беседу, но ты был мне очень нужен. Я получила новое указание, и нам с тобой пора действовать. Ты должен исполнить свою миссию на Земле. Ты должен доказать на своём примере людям, что человек имеет право на жизнь, если он хочет жить. Что есть Бог и есть про-

щение. Что Бог исцеляет и помогает, помогает всем, кто его просит и верит в него. Ты должен помочь людям, таким же людям, каким когда-то был ты. Без веры, с клочком жизни, в котором уже ни злость, ни обида не помещаются, и даже для боли нет места. Ты должен возродить человека и человечество!

– Ну это уж слишком. Как я возрожу человечество? Человечество – и то... а человечество – это уж слишком. Или ты говоришь что-то не то, или я просто окончательно сошёл с ума. У меня, может, белая горячка? Когда-то мне мои собутыльники говорили, что я впадал в забытье и нёс чушь – это она и была. Да, именно она – белая горячка.

Ангел молча дала высказаться Степану, а потом медленно, но всё так же напористо и с более жёсткими нотками в голосе произнесла дальше:

– Да, именно человечество! Ведь когда человек один сможет с этого клочка вернуться в жизнь, то и другие, имевшие большее, легко смогут начать всё с начала, начать всё с нуля, с чистого листа. С верой в Бога, верой в силу, верой в победу – в победу над собой, над унижением и оскорблением самого себя болью, обидой, злобой и уничтожением. Ты, только ты сможешь потом сказать людям, с высоко поднятой головой и чистыми глазами, что человек может преодолеть лю-

бой барьер, не умереть, не сломаться и не убить свою душу! Мы должны жить – ты и я, мы должны жить, мы родились для того чтоб жить! Это наша первая миссия на Земле. Мы пришли на Землю, чтоб жить, и по этой причине я не дала тебе погибнуть. Ты всегда хотел жить. Ты просто не признавался самому себе, что ты хочешь жить и тебе дорога жизнь, какой она бы ни была. Если ты её принял и не отрёкся от неё, даже от самой грязной, низкой и жестокой, то Бог даст тебе шанс начать всё с нуля. Ты не слаб, ты получил силу, ты прошёл все испытания, которые мог пройти человек, и не закончил с жизнью. Ты не рассчитался с ней за её жестокость, ты принял свою судьбу. А раз принял, то будь с ней, продолжай её, ты имеешь на неё право, она твоя. Жёсткая, холодная, но – твоя. А рай и райский уголок ты строй с ней вместе, это возможно – рай на земле, а я буду всегда с тобой, я буду оберегать тебя и помогать тебе. Бог благословил тебя – и я благословляю тебя. Не задавай мне пока вопросов. Просто, ничего не спрашивая и не говоря, благослови себя, своё дело и свою жизнь. Благословляй всех людей, которых встретишь на своём пути. Благослови свет и жизнь и скажи спасибо Богу за то, что он терпелив и милостив к нам всем, иногда неразумным и слепым. Аминь. Ангел исчезла.

Глава 9

Степан ещё долго лежал молча, ни о чём не думая, он находился в каком-то оцепенении. То ли кома, то ли транс. Он

не знал этого состояния. Но точно знал, что он скоро встанет и пойдёт, пойдёт к этой серой стайке бомжей, многие из которых, наверное, уже умерли, пока он лежал в этой палате. Он так хотел, чтоб они были все живы, первый раз он так сильно хотел, чтоб они были живы! Он их любил, любил всех, как своих детей, своих близких и милых детей, и он, открыв рот, произнёс слова, первые слова благословения:

– Я благословляю вас на вашу жизнь.

Потом, полежав, он вдруг почувствовал, что этого мало. Он стал вспоминать их клички, имена, прозвища, он помнил их всех. Как яркая кинолента, один за другим, они всплывали и всплывали в его памяти. Он видел их глаза, молящие о пощаде, наполненные горем и болью. Чистые светлые глаза, жаждущие жизни.

Степан вспомнил мучающую его жажду и воду. Жажду... жажду именно к воде. Он вспомнил день, жаркий день. Дождя в то лето не было, не то что давно, а казалось, что его на этой Земле не было никогда, а Степан находится не среди переполненного машинами и людьми города, а в сухой знойной пустыне, где кроме солнечного пекла ничего нет: ни воздуха, ни воды (о пище он никогда и не думал). В тот день ему как никогда хотелось пить. Всё было как всегда: утро, тяжёлый подъём с пола. Спал он много лет на полу, и то, на чём

он спал, трудно было назвать матрасом – это была грязная, вся засаленная груда чего-то не ватного, а скорее торфяного кускового пласта. Он, как всегда, с трудом открыл глаза, полежав, перекатился на бок, начал медленно подниматься. С трудом встав, подошёл к крану, открыл его – и, Боже, что он увидел и услышал! Выстрел, стук, шум, грязь – и опять шум, потом всё в одно мгновение прекратилось и остановилось. Степан не верил в то, что ему хватит сил добрести к своей стайке, но надо было идти, иначе смерть. Её он в тот день почему-то не звал и не ждал. Он просто очень хотел пить. Сначала воды, а потом – всё равно чего, но чего-то горячего и жгучего, чтоб хоть как-то после этого выдавить из себя выход и вдохнуть вход. Ему уже давно казалось, что он живёт только потому, что ещё может дышать. Он медленно побрёл к вокзалу, где обычно собирались бомжи. Дойдя, протянул свою непослушную руку, кто-то сунул в неё стакан. Он поднёс его ко рту, но перевернуть не мог, не было сил. Милашка Клюшка схватила его за руку и резко плеснула всё содержимое в его рот. Он проглотил, но эта проклятая тошнота вновь содрогнула его, и всё, что он проглотил, отправилось обратно. Только не через рот, а через нос, обжигая, как ему казалось, его мозг, который, как он всегда думал, давно уже ссохся, подобно его желудку.

Второй стакан поднесли не сразу. Ему долго пришлось полулежать-полусидеть, надеясь увидеть воду, воду в кране. Он

хотел, чтоб всё пошло иначе с самого начала, с самого утра. Чтоб он мог, проснувшись, подойти к крану и, открыв его, напиться воды, той живой воды, которая, как он сейчас уже понимал, его спасала. Вода... вода в этом мире была доступна и бесплатна. Но в этот проклятый день всё было не так, всё шло не так, как всегда.

Воды не было, и второго стакана тоже не было – и, казалось, уже не будет никогда. Было шумно. Голоса, звуки и солнце, палящее, как в знойной пустыне, солнце. Подошли двое ментов, пнув сапогами в живот Степана, приказав противным голосом, чтоб он убирался. Но как? Если б он мог, он бы сегодня с большим удовольствием убрался. Он чувствовал себя собакой, привязанной к магазину и забытой своим пьяным хозяином.

Собака ждала-ждала, потом легла и долго лежала, а люди шли и шли рядом, не обращая или обращая на неё внимание. Собака лежала и лежала, никто её не отвязал, слишком был грозный, не внушавший доверия, вид. На улице всё сильнее и сильнее пекло солнце. Никто не принёс ей воды и никто не попытался найти её хозяина. Да и где они могли его найти, если не знали, кто он?

Так и Степан. Лежал и ждал, только кого он ждал? Он давно никому не был нужен и не знал своего хозяина ни в лицо,

ни по рассказам. Он просто лежал и думал о глотке, простом глотке воды, текшей так свободно из его крана.

Менты разогнали всех. Никто в этот день не подошёл к Степану, а подняться или уползти у него не было сил. Он проваливался в темноту, потом падал в яркий свет. Он видел Ольгу, мать, но они смотрели не до; бро, а с укоризной и были какими-то чужими.

Степан открывал глаза, рядом шли люди, кто-то ругаясь, кто-то молча, кто-то просто шагал через него. И солнце вновь светило и жарило. Тогда Степан подумал: «Вот он – ад, ад на земле. А я думал, ад – это тот роковой страшный день, с которого всё и началось. А оказалось, что нет, всё может быть намного хуже». Степан приходил в себя, уходил, но опять возвращался. Всё остановила тень, простая прохладная тень. «Ночь», – подумал Степан. Но в этот момент он опять увидел Ольгу, это она создала тень, укрыв его от яркого солнца. Ольга протянула руку, слегка коснувшись своими пальцами пальцев Степана. Степан стал непроизвольно медленно подниматься, почувствовав лёгкость и тепло, но тут появилась ещё одна тень и встала за спиной Ольги.

– Не трогай его, – услышал Степан голос.

– Он мой, – ответила Ольга. Но второй голос возразил

с жёсткостью:

– Он не твой, ты его не простила. Оставь его, он даже не мой, я тоже не могу его взять.

Тень приблизилась, а Ольга исчезла. Резкий стук в голове создал впечатление удара головой о землю. Степан, полежав, открыл глаза и увидел её. Её он знал хорошо, она часто приходила в его дом, сидела с ним молча на полу и долгими часами смотрела ему в глаза. Когда люди говорят, что Смерть не имеет лица, то это не так. Лицо её, может, и закрыто, но открыты её большие глубокие глаза, которые затягивают и засасывают, как болото. И тот, кто хоть раз имел возможность заглянуть в них, хорошо знает, что на протяжении всей жизни он будет сознательно или подсознательно идти к ним. Принять их, отдаться им, отдаться целиком и полностью, испытыв при этом глобальное удовлетворение кайфом.

Но глаза свои она показывает далеко не всем, а только тем, кто всей душой призывает её, имеет силу выдержать её взгляд. Величественная магия и сила колдовства, блаженство, отправляющее человека на тот свет.

Сила её взгляда настолько велика, что человек просто не может выдержать его, чтоб понять до конца.

Глава 10

Чем тогда всё закончилось, Степан вспомнил только сейчас. Матушка Смерть посидела рядом, посмотрела в глаза Степану, а он, как всегда, оторвался от её взгляда лишь потому, что улетел куда-то далеко и до сих пор не может понять, где он был. Он видел чистилище, ножи мясорубки, лохмотья, рубленные тела, мясо, воду. Но не пил её, а видел потом что-то тёмное, затем что-то светлое – и небо, сине-чёрное небо. А он летел, летел быстро, скорее, молниеносно.

Резкий ветер дул ему в лицо, и дождь, холодный крупный дождь, всё лил и лил на лицо и тело Степана. Он долго лежал с открытым ртом, открытыми глазами и смотрел в небо, даже капли дождя не мешали ему видеть небо. Синее – чёрное – синее небо, то, которое он только что проскользнул. Он так давно не видел небо.

Степан перевернулся и начал сухим языком, совсем непослушным и жёстким, лизать воду, ту, что, казалась рекой, текущей с небес. Он пил и пил её, ему казалось, что он так мог бы лежать вечно, лежать и лизать асфальт, и это было самым великим наслаждением, которое могло быть у человека. Если б не услышал сильный и пронзительный голос Ключки:

– Ты что валяешься!!! Вставай. Вставай и пошли, наши там под крышей сидят, ждут, пока эта зараза перестанет

лить. Все коробки намочила, спать нам сегодня придётся, по-моему, опять в «бассейнах».

Однажды был сильный дождь, который лил всю неделю подряд, намочил всё и оставил большие лужи. Когда он наконец закончился, кто-то из их семейки, что был поживей, сказал:

– Вот благодать, у нас теперь и бассейны есть – рай, а не жизнь, – и стал оmyвать своё лицо в ближайшей луже. Все внимательно слушали и почему-то поверили в это. К нему как-то сразу приклеилось это прозвище, и с тех пор его стали звать Бассейном. Потом он так всегда называл лужи после очередного дождя, и все остальные с тех пор лужи звали бассейнами.

Когда у них были удачные дни, они могли пить и есть во время дождя. Когда город был полупустым, они устраивали вечеринки, прыгая в своих бассейнах, танцуя и крича, называя это пением.

Клюшка подхватила Степана под руки, не спрашивая, хочет он встать или нет, и с силой повлекла за собой. Где Клюшка брала силы – никто не знал, но она всегда приходила на помощь ко всем, кто не мог встать. Она как-то находила их и поднимала, перетаскивая в своё логово. В её ло-

гове было много бумаги, стены, стол. Ночами грел костёр, и всегда были вода, пища и спиртное. Там была жизнь, рай для бомжей. Проще – Клюшкин дом. И все сходились к ней на огонь, принося с собой кусок сала, кусок колбасы, кусок хлеба... не важно... несли то, что могли принести.

Клюшка была крепкой коренастой женщиной. Вечерами она садилась у костра и начинала рассказывать о своей безумной страстной любви с арабским посланцем, после которой она и осталась, вся в слезах, посреди улицы, не имея ни денег, ни документов, ни средств на жизнь. Боль предательства была настолько сильной и нестерпимой, что она не смогла справиться с ней без стакана крепкой водки. Потом ещё одного, за ним – ещё и ещё. Через какое-то время она уже не помнила и не понимала: пьёт она затем, чтоб не болела душа, – или душа болит, если она не пьёт.

В один из дней, кода сил совсем не было, она упала, потеряв сознание. Очнувшись оттого, что кто-то её поднял, а затем потащил волоком. Это было как в бреду, но она вдруг услышала разговоры и почувствовала тепло. Тепло шло от огня – рядом горел костёр. Кто-то сунул ей стакан под нос и сказал:

– На, пей!

Клюшка выпила и хотела что-то сказать, но её оборвали:

– Молчи, потом расскажешь.

Вот тогда она отошла и, сев у костра, начала рассказывать свою историю. Так изо дня в день, сидя у костра, когда ночь входит в свои владения, она рассказывает и рассказывает о своей красивой счастливой жизни, где были лимузины, цветы и шампанское – и она, рыжая бестия с огненной гривой волос, с необузданным нравом и горящими, как звёзды, глазами. Никто не смог обуздать Ключку, но предать и обмануть смогли. Брошенную Ключку обуздала, но не сломала судьба.

Ключка всегда приходила на помощь, подбирая умирающих бомжей на улице, и волоча тащила их или заставляла идти к своему огню, который горел и горел, даже в сильный дождь. Все боялись даже думать о том, что когда-то Ключка умрёт. Им казалась: если умрёт Ключка, умрут все – один за другим.

От её прежней жизни у неё остались только сильный властный голос, крепкая хватка рук и яркий боевой взгляд. На вид Ключке было лет пятьдесят, а по бумагам – лет сорок. Но бумаг давно не было – и возраста, соответственно, тоже.

Что интересно: когда человек лишается всего того, что ему дорого и ценно, то он параллельно лишается всего того, что ему мешало жить. Ключка была лишена возраста, денег, страха приобретения морщин и выпадения волос. Она была красива и сильна – по бомжовским понятиям. У неё было множество поклонников, и она всегда пользовалась вниманием. В своём кругу она была просто «королевой», волевой и сильной.

Глава 11

Открыв утром глаза, Степан увидел свет – яркий свет раннего утра. Палата была чистой и пустой. Странно: он не видел свою фею, не слышал её голос, но не испугался и не удивился. Он как-то чувствовал себя сегодня иначе, видел светлое солнечное утро и был ему рад – рад как никогда.

Степан лежал и думал. Думал о своей новой жизни. Она всплывала у него в голове, рисуя новые картины, новые эпизоды, новые действия. Ему очень хотелось встать, встать и пойти – нет, побежать. Побежать туда – к вокзалу. Он скучал, любил и волновался, но пойти он хотел совсем не в ожидании одного глотка горячей водки, а чтоб увидеть их всех. Собрать их, посадить в тесный круг вокруг Ключкиного огня и рассказать им свою историю, полную жизни и любви. Ему хотелось сказать им всем, что он их любит, что они ему нужны, что он обязательно сделает всё, чтоб спасти их, чтоб они могли жить. Жить так же хорошо, как жили когда-то,

и даже лучше, так как теперь они не будут совершать тех ошибок, что совершали раньше. Они знают, к чему ведут их ошибки. Степан впервые знал, он был просто уверен, что они ему поверят и пойдут за ним, пойдут туда, куда он их позовёт.

Из коридора донеслись голоса. Степан уже знал, что это время – время обхода. Голоса стихли, а в палату вошли пятеро молодых людей и его врач – маленький сухой старичок. В отпуск он так и не уехал. Бормотал себе под нос, что все они тут без него просто помрут и нужны они только ему и никому больше. Он часто ругал их, часто жалел.

Один из докторов задал вопрос:

– Семёныч, он жить будет или всё спит?

Семеныч, к великому удивлению даже Степана, сказал, что сегодня он планирует снять гипс Степану. Так долго никто ещё не лежал загипсованным, и его он так продержал чисто интуитивно, что-то подсказало ему тогда, что так будет лучше. А посоветоваться ему было не с кем, так как Степан был бомжом и не имел родни.

– Ну ладно

Всем было глубоко наплевать, снимут гипс Степану или будет он лежать в нём до конца жизни. Врачи поставили ка-

кие-то галочки в своих тетрадах и молча вышли. Прошло некоторое время, и в дверях появился Сергей.

– Я пришёл, как ты?

– Хорошо, – ответил Степан. Его фея находилась недалеко от него, она, как всегда, сидела на краю кровати и вела с ним речь о прекрасном спокойном будущем. Она рассказывала ему о Боге и жизни с Богом, рассказала ему об Иисусе и святых, рассказала об их нелёгких судьбах на Земле.

– Ну как ты? Ты не забыл о нашем пари, или у тебя была очередная горячка?

Степан с уверенностью, как будто ждал этого вопроса, сказал:

– Нет, не забыл. Я готов, готов начать прямо сейчас.

– Сейчас? Да ты с ума сошёл или вообще в него не входил отродясь? Что ты можешь сейчас? Ты стоять и то, наверное, не можешь без чей-то поддержки.

– А я один стоять и не буду, я имею поддержку – и сильную поддержку – со стороны.

– И кто это? Кто тебя поддержит? Ты что, совсем сбрендил? Кому ты нужен, ты же бомж! Ты не забыл? Или я тебе

последние мозги вышиб своим джипом?

– Нет, не забыл. Я, в первую очередь, – человек, а поддержат меня Бог и мой ангел-хранитель.

– Ну крыша поехала точно. Бог, ангел... поддержат, ещё раз поддержат. Ладно, как знаешь, но пари мы заключили, а я – человек слова. Вот тебе деньги, а ты мне – бизнесмена через пять лет. Крепкого, уверенного в себе и в своём деле бизнесмена.

Сергей бросил на кровать пачек семь зелёных купюр, телефон и паспорт. А также пакет, в котором виднелись новые туфли и два свёртка с одеждой.

– Я тут кое-что для тебя сделал, пока ты в больнице валялся: паспорт, долги за квартиру и за свет заплатил. Там всё в порядке.

– Спасибо, – сказал Степан

– Не благодари меня, это часть нашего пари. Я благотворительностью не занимаюсь – это не в моих правилах. Я считаю, что человек должен надеяться только на самого себя, как я, – и тогда он многого добьётся. Ну да ладно, разговорился что-то я. В телефоне забит мой номер. Меня зовут Сергей. Когда нужна будет реальная помощь – звони. Только по делу звони, я приеду через полчаса. Ты знаешь, езжу

я быстро.

Сергей ухмыльнулся и повернул влево, хлопнув Степана по плечу, пошёл в сторону дверей.

– Может, тебя подвести? – замедлив шаг, спросил Сергей.

– Нет, я сам. Давно не был на улице, мне надо оглядеться и прогуляться.

– Ну как знаешь, – Сергей, о чём-то размышляя, скрылся за дверью.

Степан недолго думая развернул пакеты, взял в руки чёрные джинсы и поднёс их к лицу. Как давно, а может, никогда, он не вдыхал в себя этот запах – запах простого живого материала, пролежавшего на прилавке магазина. «Как много в жизни мы не замечаем и пропускаем мимо своего сознания, – подумал Степан. – Как много я не знал и не видел в своей жизни. И жил ли я вообще?»

Выйдя из палаты, Степан отправился прямо по коридору. Он без труда нашёл кабинет Семеныча, так как больницы были все однотипные. Где-где, а в больницах ему приходилось бывать очень часто – когда его братков, полуживых, истекающих кровью, они приносили вперёд ногами, открывая нога-

ми двери, требуя немедленно спасти их, бросая на стол пачки денег. Жизнь Степана неслась ураганом, она была шумной, яркой, как ему казалось, и насыщенной – крутой, одним словом. Войдя в кабинет Семеныча, Степан тихо произнёс:

– Я ухожу, спасибо вам за всё. Вы помогли мне начать всё с нуля, и вас я буду помнить всегда.

Семеныч так был удивлён, что не мог произнести ни слова. Он только от изумления поднял свои очки на лоб, откинувшись на спинку стула.

– Рентген, ещё надо сделать рентген, – тихо произнёс он.

– Нет, я был многие годы как собака. На мне и зажило всё как на собаке. Слава Богу, это не мной придумано.

Степан не удивился, что при первых своих разговорах за последние три месяца он часто упоминал Бога.

– Ну как знаешь, лучше, конечно, провести полное обследование.

– Нет, у меня мало времени, мне надо так много успеть в своей жизни. Меня ждут люди, я должен им помочь.

Степан был уверен, что его ждут, мучаются и ждут, и тянуть он не мог. Он считал, что не торопиться – это преступление. Степан повернулся и ушёл.

– Я к вам ещё зайду, я не прощаюсь. Храни вас Бог.

Семеныч так и остался сидеть в кресле. Он долго не мог понять, что всё же произошло, так как за свои семьдесят пять лет он видел многое, но такого не видел точно.

Степан, вымывшись и одевшись, подошёл к зеркалу. Сколько лет он не видел себя! На него смотрел какой-то мужчина, абсолютно не знакомый ему. Он не знал его, но знал, что это – он. Он – новый Степан, с разумом и душой, с любовью к своему ангелу, к своим ближним и своей долгой плодотворной жизни. Он знал, что никогда не отречётся от Бога, от ангела и от себя, что он никогда больше не бросит их и не предаст. Он твёрдо верил, что сможет помочь всем, кого пошлёт ему Бог.

– Я люблю тебя, жизнь! – сказал Степан, глядя себе в глаза. – Я люблю тебя такой, какая ты есть. Я никогда не брошу тебя и не отрекусь от тебя, какой бы ты ни была. Но я знаю: всё будет хорошо. Я сделаю так, что всё будет хорошо. Ангел мой, пошли со мной, – сказал Степан и закрыл дверь в пустую палату.

Глава 12

Степан нажал на тормоз, заглушив мотор. Он не вышел из машины, а просто открыл дверь. Солнце было ясным, а вокруг голосисто пели птицы. Это было любимое место Степана. Он часто приезжал сюда, чтоб просто посидеть, подумать и иногда уйти в прошлое. Сегодня всё было как всегда. Он устремил свой взгляд в далёкое пространство, где небо сливалось с водой. Это был высокий холм на берегу просторной реки, входящей в залив.

Он вспомнил тот день, когда последний раз видел свою Ольгу. После очередных дел он заехал домой. Как он теперь вспоминал, тогда он всё реже и реже появлялся там, желание возвращаться туда к тому времени совсем угасло. Делал он это через силу, чтоб завезти им бабло, как он выражался, и посмотреть, не завела ли она себе там «таракана». В том, что он так редко бывал дома, Степан всегда винил Ольгу. Обвинял её в том, что она стала несносной стервой, которую выдержит только урод или дебил. Открыв дверь, Степан, не снимая обуви, прошёл в гостиную. Он вообще не имел привычки снимать её когда-либо, только когда спал – и то не всегда. Он как-то шутил: «Боец должен быть наготове».

Ольга сидела в кресле, как-то сжавшись, подобрал под себя ноги. Степан бросил взгляд в её сторону и почувствовал (или увидел) страх и гнев, смешанный с ужасом, в её глазах.

– У тебя что, крыша поехала? – резко крикнул он. Она молчала. – Что молчишь! Я спрашиваю, совсем одурела? Чего тебе не хватает? – начал уже орать Степан. – Чего, спрашиваю, тебе не хватает?

Он полез в карман и достал три пачки денег, бросил их на кресло, где сидела Ольга.

– На, купи рыжья, сходи к подругам, съезди куда-нибудь, в конце концов! Или ты так и будешь сидеть, как остолоп, с выпученными глазами?

– Я боюсь, – сказала тихо Ольга.

– Чего ты боишься? Ты – зажавшаяся испорченная стерва. Я ещё раз спрашиваю, чего тебе не хватает? У тебя есть всё: машина, квартира, деньги, положение. Ты живёшь, как английская королева, и ходишь вся в моих шелках, брильянтах. Тебе кобеля надо? Я приведу тебе его. Ты, сука, снова меня разозлила, я не хочу и не могу тебя видеть. Ты всегда чем-то недовольна. Я устал, я не знаю, что тебе надо. Дел-то у тебя – детей моих растить, да и то это делают парашки. Мало? Я найму ещё одну! – Степан резко толкнул ногой стул, и он пролетел по комнате в сторону Ольги.

– У меня будет ребёнок, я не знаю, что делать. Тебя нет – и я не знаю, оставить его или нет.

– Как это – оставить или нет? Мой ребёнок должен жить. Этот тупой вопрос могла бы мне не задавать, это не обсуждается. Я найму няню, а ты можешь валить за бугор, косточки погреть, после того как он родится. И почему ты опять создала трагедию из ничего? Я просил тебя, я говорил тебе, чтоб я не видел больше этого выражения лица. Сука! – Степан резко повернулся и захлопнул за собой дверь...

Слёзы навернулись на его глаза, но тут же он почувствовал тепло своей спасительницы.

– Не грусти и не вини себя ни в чём. Ты был слеп, ты не знал, что это больно, ты не понимал Ольгу. А теперь не вини себя и не жалея её, она уже там, где ей хорошо. Её жизнь была короткой, но она снова придёт на Землю, в другом лице, и судьба её станет намного проще. Это было её испытанием и расплатой за то, что когда она выбирала тебя, она тоже не видела тебя, не знала твою душу. Ей нужны были деньги и гламур, она его получила – это ты дал ей сполна. Но время и жизнь показали ей, что, имея деньги и вещи-тряпки, нельзя получить счастье. Счастье состоит не в этом, оно возможно с этим, но не в этом. Ты не должен держать в душе тоску и печаль, иначе для радости в твоей душе не будет места. По-

смотри, как красиво и хорошо вокруг, послушай, как поют птицы. Ты жив, а это прекрасно. Ты можешь видеть и слышать. Это у тебя долгая жизнь – и у тебя есть время показать это другим. Отдыхай и набирайся сил, они тебе нужны, чтобы раздать их другим.

Степан закрыл глаза и уснул. Когда он проснулся, было уже темно. Звуки тишины наполнили его душу, тело. Он чувствовал лёгкость и свободу.

Выйдя из машины, он встал на колени и произнёс молитву Оптинских старцев. Он часто приезжал на это место, чтоб произнести именно эту молитву. Она давала ему сил и помогала во всём и всегда. Он нашёл её на клочке бумаги, который принёс ветер к кусту, у которого остановился Степан, выйдя из больницы. Тогда он поднял скомканный лист бумаги, прочёл его и поблагодарил своего ангела. Он знал, что именно она подвела его к этому месту, где лежал и ждал его этот смятый маленький лист, который вместил в себя целую бесстрашную жизнь Степана. Он читал её и читал, может, пять, может, десять раз. С этого момента он знал её наизусть, так же, как будто жил с ней всю свою жизнь, с самого рождения. Покинув в тот день больницу, Степан самой короткой дорогой направился к вокзалу. Он зашёл в ближайший магазин, купил еды, водки и много яблок, сока. Взял с собой молодого таджика, чтоб тот помог ему донести все подарки,

так как сам он был слишком слаб.

Степан подошёл к огоньку Ключки. Раньше он казался ему большим горячим, чуть ли не праздничным костром в сказочном прекрасном доме, а сегодня он увидел его в реальном свете. Маленький тлеющий костерок и пара серых грязных бомжей, на которых жалко и страшно было смотреть. Ключка была дома, если её логово можно было назвать домом. Но брезгливости и отвращения Степан не испытал. Он, согнувшись, почти заполз в её халабуду, находящуюся за вокзалом. Бомжи в изумлении повернулись, так как посторонние к ним без приглашения не приходили. Там могли находиться только те, кто знал этот дом, или те, кого притащила Ключка. С этого логова и начиналась жизнь всех бомжей, вступивших в их семейку. Они знали всех в лицо и знали друг о друге всё. Для них было очень важным, чтоб они не завели себе там врага в виде агрессора, так как защищаться в логове у них не было сил. Они здесь спали, болели, веселились, говорили по душам и строили планы, чтоб выжить.

Степан, отпустив таджика, низко поклонился и сказал:

– Мир вашему дому, я – Степан.

Но это не изменило ситуацию, они как были непонятно напряжёнными, так и остались, ничего не промолвив.

– Я – Степан, – ещё раз повторил Степан.

– Какой Степан и что нам за дело до тебя? – сказала Ключка. Но орать она не стала, опустив глаза на две больших китайских сумки, откуда доносились запахи пищи. Она понимала, что этот Буратино – не пустой барабан, и им, может, что-нибудь перепадёт, если она проявит свою ловкость, сноровку и ум.

– Я – Степан, бомж. Вы не помните меня?

– Какой «Степан-бомж», ты что? У нас был один Степан. Да, царство ему небесное. Три месяца назад он попал под колёса машины и отправился в небеса необетованные, куда, к нашему сожалению, нам дорога закрыта, – с какой-то грустью и сожалением сказала Ключка. Бомжи знали всё о всех, и то, что Степана размазали по асфальту, было известно всем без исключения уже тем же вечером. Ключка даже помнила, что они устроили ему какие-никакие поминки.

– Да я и есть тот Степан, я остался жив.

– Но... – в это Ключка даже спящая не поверила бы. Что этот высокий коренастый, правда, исхудавший и бледный, парень был вчера бомжом. Тем Степаном, что валял-

ся всегда где попало, так как он уже не мог жить, даже бомжом. Они ещё во время поминок, перекрестившись, сказали: «Царство ему небесное – и это всё к лучшему. Сегодня-завтра – он бы всё равно скоро отдал Богу душу. А так даже хорошо, смерть – быстрая и лёгкая. Не мучился и не умирал, как чёрный Слон, у которого гнило всё тело года два и он с этим жил, а потом даже спиртным не мог заглушить боль и умирал с мычанием и стонами. Да и не только Слон. Сколько было на памяти Клюшки за эти пятнадцать лет, что она прожила среди них! Скольким она вливала в рот водки в надежде, что они зачихают, закашляют и начнут дышать.

– Я не умер, меня увезли в больницу и спасли.

– Ну, это вообще из серии сказок. Ты что, развести нас хочешь? Давай говори, что тебе надо, и убирайся.

Долго это продолжалось или нет, но ночью горел костёр, и все бомжт, по Клюшкиному приказанию, были каждый на своём месте. Все сидели вокруг огня – сытые, довольные, в меру пьяные. Степан рассказывал им свою историю, а они внимательно слушали, как заморожённые, боясь пропустить любое его слово – это было чудо, а они все, как оказалось, верили и ждали. Многие верили и ждали. У каждого из них был маленький или большой огонёк в душе, который согревал жившую в ней надежду. Надежда помогала им спать в мороз,

в дождь на улице, есть грязную пищу, переносить болезни. Надежда всегда говорила им: бывают чудеса в жизни, и это чудо, возможно, придёт за тобой, придёт, заберёт всю боль и горечь, вернёт простую нормальную жизнь, что станет их счастьем. Им теперь прекрасно виделось и понималось, что дай им любую, самую тяжёлую, судьбу, они бы её вынесли и не сломались, они бы были самыми счастливыми, потому что она есть. Они отдали бы всё за светлую комнату, чистые вещи, белую простынь и очередь в простом магазине. Они знали, что это – счастье, именно счастье. По опыту жизни на улице они без раздумий могли сказать, что такое счастье и что такое несчастье. Теперь каждый из них знал полное определение счастью. Жизнь... простая жизнь... человеческая жизнь – вот оно, человеческое счастье. Любой из них, как им казалось на тот момент, не задумываясь лёг бы под колёса самого страшного автомобиля, летевшего на полной скорости, чтоб хоть на миг очутиться там, где был Степан. Увидеть и познать, что видел и знал Степан.

Когда Степан рассказал всё, не пропуская ни слова, ни мгновения, было уже светло. Они просидели весь вечер, всю ночь, но никто и не думал даже, что можно уснуть. Степан поднялся и сказал:

– Ну всё. Всем спать. А сегодня я приду и расскажу, что я хочу делать дальше. Я буду строить будущее – счастливое

будущее, – утвердительно договорил Степан. – А в нём есть все вы. Сейчас всё, ложитесь спать. Пищи и выпить принёс, дня на два. Приду – принесу ещё. Никуда не ходите, поешьте и поспите, наберитесь сил. У нас будет долгий и серьёзный разговор. Вы должны будете принять решение: идти со мной в наше будущее – или дальше прозябать здесь идохнуть, какдохнут дворовые собаки.

Степан пожал Ключке руку, как бы прощаясь, и произнёс при этом:

– Я не прощаюсь, я просто хочу сказать тебе и всем вам: спасибо! Именно вы научили меня жить и видеть мир таким, какой он есть на самом деле. Именно вы спасли меня от смерти – смерти моей души. Деньги и роскошь – в жизни человека не главное. Главное в жизни человека – его душа. И только человек, имеющий душу, имеет возможность жить. А насколько богаче его душа, настолько богаче его жизнь, и это богатство, я очень надеюсь, мы приобретём сообща, вместе. Мы – сильные, мы всё вместе сможем, я в это верю и знаю. Всё, я ухожу, но я скоро вернусь.

Глава 13

Вернувшись к себе в квартиру, Степан долго стоял и смотрел на свой матрас. Он – даже он – понять не мог, что это. Если бы его отдали на экспертизу, то самые умные и сообразительные знатоки не смогли бы определить, из чего он

всё же состоит. Ну да ладно... Степан подошёл к нему, скрутил, как мог, и понёс на помойку. Шёл он гордо, легко, свободно. Он нёс своё прошлое, нёс, чтоб зашвырнуть его туда, где ему самое место. Он с лёгкостью швырнул матрас так, что тот даже как бы открыл крылья в полёте – так показалось, по крайней мере, Степану. Он представил себя в виде этого матраса. Себя – того, три месяца назад, – чёрного, грязного, пустого, набитого одним дерьмом и пережитками прошлой, страшно грязной жизни.

Прежде чем войти в квартиру, Степан перекрестил дверь, произнёс молитву – уже привычные слова.

– Ангел мой, пошли со мной, – и преступил порог. Войдя в квартиру, Степан сказал: – Я благословляю свой дом и свою жизнь в этом доме. Аминь.

Степан нажал на газ своего серебристого «Форда», и тот полетел со скоростью ветра по лесным дорогам. Следом за ним поднимались клубы пыли, как будто забирая и унося его прошлое.

Утром его ждала важная встреча. Насколько она была важной для него – знал только он. Это была встреча с Сергеем. Сергей часто приезжал к Степану – не для того, чтоб убедиться, что дела идут нормально, а для того чтоб про-

сто отдохнуть, посидеть и поговорить с друзьями. У него появились друзья и отдушина. Он знал, что его всегда там ждут, всегда рады, искренне рады – без масок, без лицемерия и лжи. Он знал: никто не стоит за спиной, а если и стоит, то только для того, чтобы он, как всегда засидевшись поздним вечером, перешедшим плавно в ночь, не чувствовал ни холода, ни ветра в их оживлённом бесконечном разговоре.

Ключка – нет-нет, да поднесёт мягкий плед, чтоб укрыть их, при этом как-то по-матерински бранясь о том, что они совсем со своими делами выжили из ума и не следят за своим здоровьем. А им очень оно важно, так как если что-либо с ними случится и они слягут, то остальным без них не жить. Она даже стучала иногда их по плечу, строго наказывая:

– Не смейте у меня ни болеть, ни умирать.

При этом незаметно ни для кого крестила их и исчезала, так же незаметно, как подходила.

За Степаном пошли все, так как выбора у них не было. Да ещё к тому же он так красиво и сказочно рассказал им про «благоприятное завтра», что они не смогли в это не поверить. В тот же день он купил землю, заказал три вагончика и разбил палатки. Друзья по несчастью собрали свои узлы с пожитками, отнесли на ближайший холм и подожгли своё

прошлое, взявшись за руки, дружно сказав:

– Гори синем пламенем наше «худое вчера».

Первое, что они сделали, – построили баню. Один вагончик оборудовали под кухню, два других под спальни, а четвёртый сделали комнатой отдыха, в которой почти во всю стену Степан установил икону Божьей Матери. К ним часто приезжал Семёныч, рекомендуя лекарства и выписывая рецепты, но, как ни странно, никто из них никогда не болел. Все пошли на поправку и восстановление очень быстро, работали легко – с азартом и шутками. Иногда падали, поднимая непосильную ношу, несли – и опять шутили. У них как-то сама по себе получилась большая дружная семья, в которой царило взаимопонимание, уважение и терпение. Каждый занимался своим любимым делом, так как всё, что они делали, было любимым, только по той причине, что они очень любили и ценили свою, созданную своими руками, жизнь. Сергей и Семеныч всегда просто удивлялись их выносливости и хватке. Через полгода Сергей начал хлопотать по восстановлению их личностей и документов – это оказалось самым сложным. Но никто не ныл, не выл, не плакал и не огорчался. Отнеслись к этому терпимо, а деньги и связи, всем известно, в этом мире делают чудеса. Через два года была обработана и засажена вся земля, приносящая хороший урожай. Спустя ещё три года – велось большое хозяйство, у самой

дороги стоял небольшой ресторан. Ресторан назвали «Сергей», а приглашённому Сергею ко дню открытия выдали сертификат, который означал, что тот имеет полное право посещать этот ресторан до конца дней своих с неограниченным количеством гостей за счёт заведения. На сертификате стояла гербовая печать с изображением Степана и подписью на пол-листка: «Бизнес-бомж».

Чуть дальше на холме красовалась, как невеста на выданье, церковь – вся белая, светящаяся неистовым светом, и имя ей было – «Ангел». А служил в ней батюшка Степан. Церковь никогда практически не была пустой. Люди ехали и ехали, останавливаясь передохнуть, перекусить и покаяться в грехах.

И Степан с Божьей помощью отпускал им грехи, благословляя их в долгий трудный путь, в счастливую любимую жизнь... Аминь.

За церковью был построен небольшой бассейн, облицованный бутовым камнем, наполнявшийся чистой живой родниковой водой. Вода текла и текла через этот бассейн, омывая и промывая его и всех тех, кто в него опускался. Управлял им и заведовал, как вы, наверное, догадались, конечно, Бассейн. Имя он себе восстановил, вспомнил его, но так он хотел этот бассейн, столько вложил в него сил, умения, люб-

ви и тепла, что так и остался Бассейном, со своим бассейном – одним целым.

Что подтолкнуло меня написать эту повесть? Конечно, не чувство долга перед бомжами, хотя будь у меня возможность, я бы не оставила ни одного человека на улице. Кто что испытывает, глядя им в лица, – известно только тем, кто видит их облик и представляет их сущность на Земле: быть никому не нужным в мире, не имея дома, не имея своего угла, где можно просто передохнуть и перевести дыхание, так необходимое каждому из нас, чтоб потом идти дальше.

Быть бомжом – это страшно, но, как показала практика, это не страшней смерти. Люди живут в этих условиях, и мне кажется, что именно они больше всего любят и ценят жизнь. Я не слышала, чтобы среди бомжей был распространён, как холера, суицид, сметающий их с Земли. Я знаю одно: чаще всего бомжами не рождаются, ими становятся. У каждого из них есть богатое прошлое, их судьбы. Взлёты, полёты, падения. Глядя на них, видишь, что они, именно они, принимают жизнь такой, какая она есть, какая осталась, и держатся за неё, держатся из последних сил, стараясь остаться живыми. Конечно, можно услышать фразу: «Сами виноваты, сами докатились до этого». – «Но не суди – и не судим будешь», – слышу я ответ. Нас – миллиарды на Земле, и у каждого своя судьба, со своими подъёмами и падениями. И главное в этой

жизни – как мы справимся со своим горем, несчастьем, как переживём его. Пойдём дальше по просторам – или свалимся, скатимся в яму или, ещё хуже, в пропасть. А, насколько мне известно, подняться в гору куда сложнее и тяжелей, чем слететь с неё. Скатиться, падать – болезненней, но быстрее. Так вот, я хочу, чтобы все, кто прочтёт эту повесть, всегда помнили: что наша жизнь и наша судьба в наших руках. Чтоб не могло никакое несчастье заставить человека оставаться на дне, когда он упадёт или сорвётся. Я хочу, чтоб каждый упавший обязательно поднялся, а если не получится сразу, то – набрался сил, поднялся и обязательно пошёл дальше. Вперёд – в жизнь, ценя её и любя.

Символ вечной любви, или девушка по имени Симона

Повесть

Мы живём и не знаем, что живём тысячу лет,
Что отпущено время не гореть, не стареть,
Что вселили нас в тело. Ты живи, управляй,
А не сможешь – то, значит, ты назад улетай.
Поживёшь там лет двести – вновь отпустят тебя,
Чтобы не было скучно, ты вернёшься сюда...
А земляне заметят, что упала звезда.

Вспомнилась цитата из одного моего произведения, написанного много лет тому назад. Кто я? Да просто человек, не смирившийся однажды со смертью, с несправедливостью Бога к Человечеству и с неправдой, окружающей меня во Вселенной. Человек, имеющий любовь в вечной душе, полученной «напрокат» от Бога (о «прокате» я узнала чуть поз-

же, лет так через двадцать), двинувшийся вперёд к свету – искать ответ, рисуя ходы в лабиринте жизни. Жизнь, в свою очередь, через определённое время стала подобна квадрату Малевича.

Казалось, ничего в нём нет, просто чёрный квадрат – и всё, но сколько он притянул к себе взоров, умов, рассуждений, поставив на белом листке бумаги точку, точку отсчёта наших шагов в жизни, точку начала нашего хода, продвигая её всё дальше и дальше, погружаясь во мрак, прочёркивая и зачёркивая белый лист нашей жизни, данный нам Богом. Не секрет и не новость, переходящая из века в век: Бог – свет, без него – тьма. Если мы идём без Бога, наши краски всё темней, всё гуще, и наша палитра с каждым шагом не светлеет, а, напротив, заполняет и наполняет наш лист жизни, тот самый квадрат, тёмными штрихами наших шагов. Мы ищем ходы, кто-то сознательно, кто-то подсознательно, продлевая, умножая свои шаги в рамках своего квадрата жизни.

Тот, кто с Богом, кто научился владеть умом, разумом, смог соединить с ними душу, – обрёл мудрость.

С мудростью всегда можно найти выход, так как душа, разум, ум находятся в гармонии и дружбе, не перекрывают свободное мышление, понимают, что жить вечно куда приятней,

чем киснуть в плесени, серости и тьме и быть заживо съеденным самими дьяволами. В наши души заложено мышление, данное человеку с рождения Богом.

Уйти на землю, вернуться свободным, избавившись от смерти, получив свою душу в вечное пользование. Бог однажды отдал человеку всё, человеку этого стало мало, он пошёл искать большее – и нашёл смерть...

В чём состоит вечность? В одном простом поступке: добровольно выбрать её. Добровольно, в единстве души и разума отказавшись от всего земного. В Новом Завете есть замечательные слова: ни к чему земному не привязывайся. Всё, что есть на земле, бери, пользуйся, но будь от всего свободным. Познавай, исследуй, живи, люби, но не будь одержимым, не погибни в искушении.

Человек сотворён для бессмертия, так как Бог един и бессмертен, а человек изначально создан по Его подобию. О многом надо ли знать человеку, для того чтоб получить вечную жизнь? Может, всего лишь изменить свою сущность, прислушаться к Его словам – и, вернувшись, принять вечность и бессмертие?

Глава 1

Густое тёмное небо повисло над старыми улочками Парижа, оно было насыщено серо-дымчатыми тонами и создава-

ло на первый взгляд видимость ватной крыши, застывшей над дремлющем городом в тишине. Всё это не отталкивало, а, напротив, завораживая, притягивало непонятным, магическим магнетизмом. Было во всём этом что-то невесомое, лёгкое, наполняющее человека с головы до ног, создающее ощущение соединения разных атмосфер.

Нижний слой его медленно опускался и, окутывая, насыщал жизненной влагой камни узких улиц, домов и бульваров.

Прохладный тихий, ненавязчивый и в тоже время лёгкий и свободный ветер пронизывал старые дворики, наполняя их какой-то загадочной и глубокой сущностью.

В определённое время суток, ближе к закату, когда люди, уставшие, измученные после суетного рабочего дня, торопливыми шагами, укрываясь, прячась в дома, незаметно рассасывались, исчезая в квартирах, улицы города постепенно редели, пустели и в какое-то время становились совсем безлюдными, давая ветру полную свободу полёта.

Симона с раннего детства, с того самого времени, когда человек начинает осмысливать происходящее вокруг себя, сильно желала, иногда до острой боли в сердце, иметь крылья.

В её фантазиях они были сильными, большими и почему-то белыми. Оказываясь в такие времена на одной из улиц, она страдала, мучаясь оттого, что не может взлететь как птица, и совсем не для того, чтоб сорваться и улететь как можно дальше с грешной земли, а для того, чтоб подняться над камнями бульваров, пролететь, верней, пропарить между небом и землёй по этим тихим, безлюдным улицам.

Ей хотелось быть как он, этот свободный ветер, который так часто ласкал её волосы, лицо и руки, напевая ей лёгкую, нежную мелодию, захватывая её сознание, душу и жизнь. Её душа, так часто находившаяся в полете, имела полную свободу, была крылатой, и только её телу не хватало именно крыльев, больших сильных белых крыльев.

А лёгкой душе при всём желании и усилиях, как бы ни хотелось, не поднять физическое тело.

От этого Симона впадала в отчаяние, уныние, свернувшись клубочком, молча страдала, не имея возможности получить полную гармонию тела и души.

Душа свободна – а что она без тела, а что тело без души? – размышляла она юной девочкой. Девушка любила своё тело, оставить его, чтоб улететь, никогда не согласилась бы, даже в минуты самого сильного отчаянья.

Симона внешне была общительной, живой, доброжелательной, наполненной до краёв чистой энергией девочкой, напоминавшей прозрачный хрустальный сосуд, и только что-то глубокое, смешанное с тоской, всегда выражалось в её светящихся необычным светом красивых, как само летнее небо, сине-голубых глазах.

Глава 2

Симона распрощалась с друзьями, верней, с однокурсниками из любимого вуза, где она углублённо изучала химию.

Что такое Франция? Это страна вечных исследований и изучения древних наук. Многие посвящают этим наукам жизнь, кто-то платит за них собственной кровью. Одна только архитектура является шедевром и говорит сама за себя. Система образования во Франции имеет ярко выраженную национальную специфику. В этой стране своя система дипломов и учёных степеней, особое деление на циклы, особое отношение к дипломам государственных учебных заведений: они, как правило, котируются гораздо выше, чем дипломы частных школ и университетов. В одном из таких университетов училась Симона, он находился в самом центре Парижа, скорее, в его сердце, и было ему от роду как минимум 200 лет. Девушка часто заходила на территорию университета, будучи ещё совсем юной девочкой. Что именно в нём прельщало её в то время, вряд ли она смогла бы объяс-

нить, она лишь знала и была уверена, что любила его, любила сердцем и душой. Его архитектура по своей изысканности и красоте не имела себе равных.

Ей казалось, что, не будь его, ей было бы много сложнее жить и просто дышать. В детстве она любила посидеть на лавочке в его скверике, прикасаясь к его скульптурам, поглаживая их ладонями и мечтая о чём-то своём, глубоком и далёком, ограждённая великолепной чугунной решёткой. О чём в те моменты думала и мечтала девочка, она не смогла бы объяснить, так как мысли шли не от разума, а из глубины души, она чувствовала какое-то благоухание, наслаждение, волнение и покой и всегда мечтала лишь об одном – что когда достигнет необходимого возраста, то обязательно придёт учиться именно сюда, в это заведение, чтоб можно было проникнуть в его глубину, каждый день наслаждаясь его аурой, запахами, исходящими от стен, массивных столов, проникнуть в его лаборатории и наконец-то вдохнуть весь аромат полной душой.

Завернув за угол, на узкую, созданную много веков назад улочку, вымощенную камнями, она как весенняя ласточка легко порхнула по ним в самую её глубину. Скрывшись за первый угол, резко оглянулась, чтоб полностью убедиться, что осталась одна: её всегда прельщали таинство и свобода. Одним лёгким движением она сняла с себя туфельки,

схватив их за ремешки хрупкими, как будто выточенными из белого мрамора изящными тонкими длинными пальчиками, поднялась на носки стройных ножек. Весь её облик олицетворял собой солнечные, воздушные и небесные переплетения, лёгкость, изящество и что-то загадочно далёкое составляло всю её.

Как только она поднялась на пальчики ног, ветер тут же обнял и подхватил её, увлекая с собой в далёкое пространство, он нежно поцеловал её руки, шею, щёки, глаза и губы, наполняя лёгкостью и свободой. Её белое шифоновое платье, усеянное нежно-розовыми лепестками и листьями роз, то поднималось, то опускалось, кружась в такт мелодии, которую напевал ей свободный ветер.

Руки были гибкими и лёгкими в движениях, как пара красивых белых крыльев, ноги, нежно касаясь земли, то бежали вперёд, то, приостанавливаясь, делали завораживающие круги.

Её волнистые белокурые волосы, опустившиеся на плечи, создавали видимость чего-то необычного и воздушного, напоминавшего прозрачные облака, а голубые как небо глаза то открывались, освещая своим светом всё вокруг, то закрывались, погружая весь мир вокруг неё в тёмный холодный мрак. Девушка ликовала и наслаждалась танцем любви под

мелодию, исполненную ветром, возлюбленной ею свободой. Её юность и красота, её нежность и кротость несли с собой силу, силу жизни и любви.

Глава 3

Упёршись руками в виски, низко склонив голову, он тихо сопел, дыхание чуть заметно содрогало худое, изнеможённое, уставшее тело с торчащими как прутья костями. Ноэль – не авантюрист, помешанный на алхимии, и совсем не гоняется за знаниями о получении золота, за много столетий он нашёл способ его изготовления, ему не страшно обвинение в колдовстве, он не боится быть изгнанным, он не страшился участи всех алхимиков за много столетий, закончивших свои жизни на виселице.

Мир сходил с ума, жаждавший обрести философский камень, сила алчности и наживы толкала людей мощным движением вперёд. Алхимию изучали в университетах, в одном из них и был заведующим кафедрой Ноэль, бережно относившийся к своим ученикам. Кроме поиска драгоценного металла, ему нужен был хлеб, а эти юнцы и девушки были его мукой, тестом и хлебом, в прямом смысле слова.

Ноэль выбирал любимчиков – умных, честных, рвущихся к знаниям, непорочных, переполненных космической энергией студентов и магистров.

Первые университеты в Западной Европе появились именно в классическое Средневековье. Так, в конце XII – начале XIII вв. были открыты университеты в Париже, Оксфорде, Кембридже и других городах Европы. Университеты тогда были важнейшим и часто единственным источником информации. Власть университетов и университетской науки была исключительно сильной. В этом отношении в XIV—XV вв. особенно выделялся Парижский университет. Показательно, что в число его студентов (а их всего было более 30 тыс. человек) входили и совершенно взрослые люди, и даже старики: все приходили обмениваться мнениями и знакомиться с новыми идеями.

Университетская наука – схоластика – формируется в XI в. Её важнейшей чертой была безграничная вера в силу разума в процессе познания мира. С течением времени, однако, схоластика всё более становится догмой. Её положения считаются непогрешимыми и окончательными. В XIV—XV вв. схоластика, которая пользовалась одной только логикой и отрицала эксперименты, становится очевидным тормозом для развития естественно-научной мысли в Западной Европе. Практически все кафедры в европейских университетах тогда были заняты монахами Доминиканского и Францисканского орденов, а обычными темами диспутов и научных работ были такие: «Почему Адам в раю съел яблоко, а не грушу?» и «Сколько ангелов может уместиться на острие иглы?»

лы?».

Вся система университетского образования оказала очень сильное влияние на формирование западноевропейской цивилизации. Университеты способствовали прогрессу в научной мысли, росту общественного самосознания и росту свободы личности. Магистры и студенты, переезжая из города в город, из университета в университет, что было постоянной практикой, осуществляли культурный обмен между странами.

Студенты были очарованы и заколдованы, в прямом и переносном смысле, восхищаясь его даром, силой, талантом и умом, проявлявшихся в его исследованиях. Этот алхимик чертовски красив, умён, талантлив и гениален. Гений – и даже выше этого, в их глазах он был самым богом!

Они даже за его спиной дали ему имя Чкутиген.

Кто, если не он, посвятит их в магические секреты алхимии?

Он посвящал их в поиски философского камня, в изготовление меди и чугуна, часто приглашая кого-то из них к себе в лабораторию, и они, будь то юноша или девушка, считали это великой честью, ликуя в предвкушении восторга.

Гордость и радость охватывали их, они летели к нему на крыльях ветра, как маленькие мотыльки на свет, испытывая сильное волнение, с трясущимися руками и мокрыми лбами, с одной-единственной мыслью в помутившихся головах: «Вот, вот оно, счастье! Сейчас я всё увижу, всё познаю и стану таким, как он, а возможно, через года – умней, мудрей и гениальней. И тогда я точно найду или создам этот магический камень». Никто не возвращался назад, но никто и не знал, куда они уходили. Это было одной маленькой договорённостью между профессором и студентом, одним маленьким секретом.

Ноэль всегда предупреждал своих студентов, чтоб те никому, даже самому Богу, не рассказывали о визите к нему. Так как он якобы не хотел показать всей группе, что выделил самого умного и одарённого ученика, чтоб этим не оскорбить и не обидеть других. Тот, конечно, молчал, не говоря ни слова бежал на встречу, смахивая в пути капли то горячего, то холодного пота. Одна мысль кружилась в помрачившемся разуме, всего одна: «Я гений! Я гений!»

Юноши и девушки никогда не занимались в одной аудитории. Обольстить и увлечь манящим к себе волшебным предметом алхимии для него не составляло большого труда.

Прожив многие века, Ноэль однажды приобрёл это знание, познав его корни в Египте, заполненном золотым песком, разогретом палящим солнцем. Будучи ещё молодым, по его исчислению лет, он перерыл архивы летописей, писаний, пергаментов, считав и все знаки, и оставленное предками на стенах пирамид древнего Египта. Сами пирамиды, говорившие о громадных слитках золота, – вот он, ключ и закон алхимии, сведение Вселенной воедино: солнце – и всё под ним согревающееся и плавящееся под лучами его огня, вода – и всё, что в ней, земля – и то, чем она насыщена, воздух – и то, что он насыщает, и человек – кто это всё примет, найдёт и поймёт. Найдёт ключ к алхимии. В этом и состоит ценность философского камня: он – ключ к неизмеримому богатству, имеющему имя Вечность, ключ к двери, за которой человек поймёт свободу, имея тонны золота, обретая неисчислимое богатство.

Если золото будет неисчислимым, оно потеряет смысл и ценность в человеческих глазах.

Ценно то, чего не хватает.

Ноэль понимал: если есть ключ – значит, есть и дверь, а если есть дверь, то в неё если не каждый, то многие могут войти. Тем более, он давно имел этот ключ, прочитав и распознав руны, найденные на стенах пирамид. В отличие от бо-

лее известных скандинавских рун, их двадцать пять. В Древнем Египте их изготавливали из камня в виде жука-скарабея. Этот символ был одним из наиболее почитаемых священных животных. Каждая руна имеет свой, не только видимый, но и глубокий, эзотерический смысл и составлена для прочтения пути к вечности. Тайна, великая тайна.

Которая для него давно была открыта в прошлом.

Если б Земля была завалена и сплошь покрыта золотом, люди пошли бы искать простую почву. Сила не в золоте, сила во власти и вечности.

Имея ключ знаний, он избегает судьбы прочих алхимиков, давно став противником Бога, имея полное знание магии и колдовства, фармацевтики и силы энергии.

Только соединив всё, познав закон Вселенной, он получил ключ к алхимии.

Выливая статую за статуей из сотворённого им золота, он отдавал годы, посвящая этому свою жизнь, задыхаясь от угарного газа и дыма, вкладывая свою энергию, которую давно научился брать у людей. Люди стали глупы и слепы, беспомощны перед его познанием. Его ум превзошёл человеческий разум. Он понимал, что это многое, но далеко

не всё для того, чтоб иметь могущество.

Глава 4

Всегда ненавидящий свет и солнце, наслаждаясь холодом и тьмой, он погибал в собственном мраке от голода и бессилия. Стены в мастерской были окутаны плотной паутиной, сотканной одним цельным ковром, из такой же серо-чёрной паутины было соткано кружевное покрывало, которое окутало стоящих кругом юношей и девушек. В центре круга стоял массивный стул с большой дубовой спинкой и подлокотниками, на котором сидел поникший, без всяких сил, погибающий Ноэль.

В его теле совсем не было жизненной энергии. Иногда как будто издалека доносился шум ветра, своим воем составляя то нежную тихую мелодию, то рвущее всего его изнутри скрежетанье. Свечи дано не горели, а на их месте торчали фигуры из расплавленного воска, так не похожие одна на другую, создающие каждая свой символ и ответ.

Огонь, воздух, вода, свет и тьма – вот составляющие его алхимии, всё это энергия. Он мог найти немного энергии, чтоб существовать дальше, но его одержимость накатывала на него, своим колесом давя его самого. Ему становилось мало даже того, что он имеет, ему необходимо было больше...

Ему необходима была власть Вседержителя Вселенной.

Когда-то ему казалось, что он всемогущ! Он шёл по правильному пути, и если встречались препятствия, его охватывал гнев, который давал прилив невероятных сил – на то, чтобы смести, стереть всё живое, мешавшее продвижению к цели. Цель на протяжении всей жизни у него она была одна. Бессмертие и власть!

А для этого оставалось совсем немного – создать из белого мягкого камня вечную фигуру любви!

Для этой скульптуры подходил только один камень – белый мрамор, рождённый природой в мерцаниях луны, обдуваемый ветром, наполненный воздухом, накормленный почвой, напоенный водой и согретый солнечным светом.

Происхождение мрамора имеет многомиллионную историю. Основной составляющей мрамора являются известковые отложения древних морей, которые в результате тектонических смещений переместились в недра Земли и под воздействием невероятно высокого давления и температур выкристаллизовывались на протяжении миллионов лет. Разнообразная структура и цвет мрамора объясняются влиянием на его формирование других многочисленных минералов, например, графита, окиси металлов.

Цвет самого мрамора, без примесей, – белый, встречается достаточно редко в природе. Любой добытый из скал блок мрамора является неповторимым, невозможно найти второй такой же по структуре и внешним параметрам во всём мире. Уже более 2000 лет ведётся добыча мрамора в огромных карьерах. В давние времена добыча мрамора осуществлялась исключительно тяжёлым ручным трудом.

Шли дни, месяцы, годы, столетия, тикали часы, Ноэль искал свой белый лунный камень – и он нашёл этот камень, сбив ноги и руки, разбивая киркой вечные глыбы тёплых белых айсбергов. Для того, чтоб камень обрёл вечность жизни, в него надо было вложить энергию человечества, которую ему нескончаемо так легко дарит Бог.

Он шёл, веками шёл параллельно с человечеством, постепенно поедая его, наполняя свою плоть и жизнь энергией. Его руки и губы знали миллионы камней, миллиарды людей, но тёплой скульптуры из мягкого камня, светящегося, как ночная луна, играющего, как золото на солнце, и сверкающего, как звезда во тьме, он так и не изобрёл: он не нашёл человека, энергией которого смог бы насытить и оживить мягкий, тёплый камень, а из камня выточить статую, притягивающую со всех сторон к себе энергию человечества. Ноэль твёрдо и убеждённо знал одно: если б он смог сотворить любовь – завладел бы всем миром и обрёл бы полное бессмер-

тие и полную власть над человечеством, в избытке питаюсь, насыщаясь космической энергией.

Они бы летели сами, как слепые мелкие мотыльки, на пламя его разгоревшегося огня. Тогда бы он мог творить своё золото, имея с каждым днём всё больше и больше могущества, силы, власти и бессмертия.

Ему бы не пришлось тратить своё время, свою энергию на поиски глупых, мелких людишек, подобных обычному мягкому пластилину, размягчённому энергией любви.

Взяв любовь в свою власть, он бы наконец завладел душами людей, тянущимися так глупо, так слепо к любви, как к магниту, позволяющими владеть собой и лепить из себя всё, что смогла бы пожелать его бессмертная холодная ненасытная фантазия.

Глава 5

Огня и новых камней в его мастерской давно уже не было, только холодные, безжизненные статуи юношей и девушек, выстроенные ровными кругами, одно столетие за другим стояли тихо во мраке, покрытые толстым слоем пыли и плесени. Все скульптуры были выточены его руками из камней, проверенных на ошупь ороговевшими ладонями и прикосновением языка и губ.

Ноэль никогда не использовал мёртвые, холодные камни, он всегда выбирал только те, что имели дыхание и свою природную жизненную энергию.

За много лет, углублённо изучая алхимию, он сделал открытие: если взять живой камень, наполненный природной энергией, и соединить с энергией человека, сотворив из камня статую по подобию того человека, то статуя обретает жизнь, становится тёплой и бархатистой, с тонким нежным запахом, бессмертной и вечной. Надгробия святых источают этот нежный аромат, излучают тепло, символизируя о вечности.

Святой накапливает колоссальное количество энергии и, переходя в другой мир, выпускает свой дух, пропитывая и наполняя всё окружающее его на многие года и столетия.

В юности есть святость: как они были нежны, красивы в своей невинности, нежности, будучи живыми! Каждую и каждого из них он помнит на вкус, запах и прикосновение.

Ни один из них не был замешан в грехе, все они были безвинны и чисты.

Как прекрасна и сладка была их кровь, как долго он искал эти камни, как долго он искал этих почти божественных

людей!

Растирая ладонями песок, он пропускал его через кожу своих окровавленных рук до самой крошечной крупинки, перетирая золотыми жерновами, создавая практически прозрачную, до блеска алмаза, мягкую муку.

И только время, двигаясь, наблюдало за этим сложным и жестоким, на взгляд человечества, процессом, отмеривая и разделяя его действия боем и тиканьем механизмов. Время шло: шли дни, недели, месяцы, годы, век за веком, вокруг всё больше жгли костров, сжигая заживо людей, привязывали к столбам непокорных и ищущих ход к власти и бессмертию, при этом обрывая жизни друг друга. Ноэль тоже жёг древесину, разогревая котлы, в которые медленно сыпал песок, олово, медь, цинк.

Дым, выходящий из труб, имел едкий запах, огонь ярко сверкал, мерцал при полном сиянии луны, растворяясь в галактике, иногда, потрескивая искрами, разлетался на крышей его замка.

Разжигая огонь под чугунным котлом, он медленно, поочерёдно ссыпая содержимое, поглаживая котёл руками, вливал, степенно произнося заклинание, кровь, помешивая варево золотой тростью с тонкой иглой на конце – тростью,

с которой он и выходил на ночные охоты в поисках безумных и любознательных юношей.

Ни одна жертва не погибла с шумом, в ужасе и страхе. Все оставались тихими, испытывая во время смерти покой и удовлетворение, не чувствуя холода и страха. Ему нужна была только положительная энергия, покинувшая тело человека в момент полного покоя. Ноэль не пил мужскую кровь, лишь аккуратно сцеживал её в медные колбы, затем добавлял в чугунный котёл, оставляя часть для изготовления пасты, которой при свете полной луны и огня натирал до блеска статуи, свои драгоценные статуи красивых рослых юношей, имеющие свет и аромат.

Пасту Ноэль изготавливал на том же огне, вмешивая кровь в медные опилки, олово, сгоревшую древесину, вываривал всё на медленном огне до полного сгущения, после этого выдерживал три новолуния в проточном воздухе, не имеющем в себе влаги, поглаживая каждую ночь своими ладонями в полночь, произнося заклятие, и только после этого применял в действие.

Наша жизнь сопряжена с великой тайной. Мы живём, закрывая дверь за дверью из столетия в столетие, пытаемся найти благополучие и бессмертие, убивая своими действиями себя и окружающих, вероломно или степенно двигаясь

к познанию.

Вселенная закрыта, и лишь частичные, мизерные подсказки в виде рукописей, картин, магии алхимии, эзотерики открывают нам лазейки и щели, являясь не всегда верным проводником.

Загадка жизни состоит в рождении мужчины женщиной, не имеющей при этом возможности зачать его без участия мужчины.

Где начало, где конец? Альфа – омега. Кому дано понять и познать нашу Вселенную от начала до конца, есть ли у неё вообще начало и конец? Есть только поиски путей человека и человечества, и некоторые из таких искателей и им подобных веками сидя на золоте, прожигая свою жизнь в убожестве и уродстве, мраке и темноте, пытаясь в конце концов понять, в чём начало и в чём конец, в чём преимущество и из чего состоит наша вечность.

Многие, особенно в средневековье, старались углубиться в это познание: в Праге в каждом пятом замке и каждой третьей лачуге сидело по одному-двум алхимикам со склянками, варевом, кострами и коррозией по всему телу. И те, кого не сжигали, погибали или убивали себя сами, разбивая о стену лбы, растирая землю руками, пробуя на вкус, кор-

чась от душевной боли, связанной с бессилием и невозможностью самоутверждения, в немощи и злобе перед закрытой, не поддающейся им дверью в вечность, отдавая свои человеческие наслаждения за одно лишь желание не жить в рабстве и в неведении.

Сколько для этого ему пришлось поглотить жизнью за свои годы, знали только он, время и Вселенная.

Каждую тёмную ночь, взяв свою трость в руки, он выходил на тёмные улочки города и медленно прохаживался по сумрачным улочкам в поисках подходящей юной жертвы для создания желанной вечности.

Глава 6

Неслышными шагами приближаясь к своей очередной жертве, тихо, без звука и без боли, он прокалывал иглой её сердце.

Юноши не успевали сделать вздох, не успевали оглянуться, они становились мягкими и недвижимыми.

Ноэль, взяв юношу под руки, тащил его волоком к себе в замок, под ноги несотворённой статуи.

Высосав из него кровь, вливал её в медную колбу, для каждого из его гостей была приготовлена индивидуальная.

Также для них были изготовлены под рост и вес прямоугольные металлические сосуды, залитые раствором растёртого до нежной муки мрамора, замешанного до жидкого состояния теста на яйцах Вену и Великого Гоготуна.

Богами считались мифические священные птицы – Вену и Великий Гоготун. Даже за неумышленное убийство этих птиц полагалась смертная казнь.

Взяв безжизненное, обескровленное тело в свои сильные руки, он медленно погружал его в золотой сосуд, наполненный раствором, до полного утопления.

Сцеженную кровь юноши доводил до кипения, часами вываривая на слабом огне до полного испарения.

Время шло, раствор густел, сох, твердел, тело гнило, разлагалось, заполняя всё вокруг вонью и трупным запахом.

Шли месяцы, шёл процесс высыхания раствора, который превращался в прочный камень. Получалась «сосиска в тесте», или «пирожок с котёнком».

Когда материал был готов к использованию, Ноэль поворачивал его в вертикальное положение, заливал в появившееся отверстие серную кислоту и оставлял на три дня и три

ночи.

Дни шли, Ноэль варил золото, кислота тоже делала своё дело. Через три дня, опорожнив «пирожок» через отверстие, Ноэль вливал в него горячее золото. Оставив сосуд на семь месяцев, он отправлялся искать следующую скульптуру.

Глава 7

Он давно не зажигал свечей, факелов, огня в печи и множество дней находился без пищи, сидел понурый в центре кольца из множества статуй на своём высоком золотом троне, перед ним стоял белый, отливающий бирюзой, обточенный со всех сторон мраморный камень, пожелтевший от безжизненности и времени.

Очередное дуновение ветра ворвалось в его мастерскую, колыхнув паутину, покрывшую его статуи, пронизывая его тело дрожью. Ноэль дёрнулся, поднял глаза на камень. Его мгновенно охватили боль и разочарование: это же он, именно он, мешал его достижению! Ярость и гнев в одно мгновение нахлынули на него одновременно с дуновением ветра, пронизывая его до костей бессилием.

Одно мгновение – и, сорвавшись с насиженного места, Ноэль поднялся из последних сил и двумя руками толкнул камень прочь от себя.

Ярость пульсировала в висках, голова кружилась, а силы покидали его, и если бы у него их было хоть чуточку больше, он бы взял кувалду и раздолбал этот ненавистный камень вдребезги.

Он ненавидел любовь, и если бы не желание подчинить её себе, у него было бы сейчас одно стремление: убить, уничтожить, стереть с лица земли.

Медленно переведя взгляд на металлический топор фунтов тридцати весом, он сделал в его сторону шаг, при этом, качнувшись, упал на холодный каменный пол.

Ударившись головой и туловищем о камни, он ясно услышал глухой стук в металлическую дверь, вторящий его падению.

Полежав минут пять, он стал внимательно прислушиваться, но кроме мёртвой тишины и хождения крыс он не слышал ничего, и лишь откуда-то издалека до его обоняния донёсся человеческий дух.

Ноэль, приподнявшись, встав на ладони и колени, стал тихо передвигаться в сторону тяжёлой двери.

При этом он вдруг почувствовал, что очень много дней

не ел совсем. Если это человек – то как раз кстати, обоняние никогда не подводило его уже многие века, что-что, а запах крови ему был знаком очень хорошо. По нему он мог легко определить и пол, и возраст, и образ жизни человека. С каждым ползком он набирал темп, силы постепенно наполняли его тело.

Глава 8

Симона кружила в нежном лёгком танце, сливаясь с ветром, забыв про всё, что связывало её с землёй и людьми. Только она и мелодия её вольного друга ветра. Ветер дунул чуть резче и сильнее, как будто поднял её на руки, она сделала прыжок вперёд и, отталкиваясь от земли, крутанулась в воздухе.

В этот момент что-то сильное толкнуло её в грудь, так, что девушка отлетела в сторону и, потеряв равновесие, упала и ударилась головой о железную дверь старого замка. Последним, что она могла почувствовать, был глухой стук, сопровождавшийся жжением, в то же мгновение музыка исчезла, всё потемнело и погасло.

Ноэль подполз к двери, огляделся. Дверь была закрыта с тыльной стороны на тяжёлый дубовый засов. Впившись в него глазами, он понимал, что даже если он встанет, то открыть засов ему не хватит сил, запах крови и человечины был уже так близок, в глазах у него слегка мутнело, а голова

кружилась уже не от слабости, а от жажды вкушения пищи.

Он встряхнулся и встал на ноги, держась руками за дверь. К его большому удивлению, засов открылся свободно и легко.

Ноэль потянул дверь, и вместе с дверью к нему под ноги ввалилась она. Опустившись на колени, не веря своим глазам, он тихо и нежно прикоснулся к её окровавленному виску, проведя ладонью по лбу.

Сколько столетий он искал только её, сколько объехал и обошёл земель, городов, усадеб!

Кто мог ответить точно, сделав правильный подсчёт? Конечно, никто, по одной причине: никто не мог находиться на Земле столько, сколько находился на ней с момента рождения он сам.

Её запах, её красота, её нежность, юность, невинность, незащищённость сводили его с ума, одурманивая, помимо этого, запахом крови и тела. Её энергии издавали тонкий насыщенный аромат, как нежный весенний букет полевых цветов.

Голод брал своё, ему хотелось недолго думая вонзить свои

корявые зубы в её мягкое нежное тело, вырвав большой кусок свежего мяса, запив всё это её сладкой кровью, высосав всю её до последней капельки, возможно, даже съесть её тело, разжёвывая хрустящие нежные косточки.

От этой мысли его голова кружилась всё сильнее. У него не было сил совладать с собой, он нагнулся ещё ниже, встал над ней на колени, уперевшись в землю руками, вглядываясь в нечеловеческом изнеможении в её лицо. Ничто никогда не было в его давно проклятой всеми жизни таким искушением, даже чуточку похожим. Его кости крутило и крутило, живот сводило, а голова кружилась; страсть, желание выкручивали его наизнанку.

Он оторвал одну руку от земли и аккуратно убрал её светлые воздушные волнистые волосы с разбитого виска, нагнувшись ниже, прикоснувшись языком, тихо и нежно лизнул его, сползая по следу крови к щеке, носу, губам.

Девушка содрогнулась и открыла глаза.

Она не знала, где она, не знала, кто она, не знала, кто он.

Симона видела перед своим взором глаза, погружаясь во взгляд, взгляд самого дьявола.

Он в тот момент, наслаждаясь ей, был не яростным и не злым; Симона, не заметив опасности, глядела в его глаза, проваливаясь, уходя всё дальше и дальше, проникая через лабиринты в коридоры веков, её тело чувствовало истому, душа ликовала, сердце билось, билось ровно и спокойно, отдавая где-то в глубине слегка будоражающим трепетом наслаждения, испытывая реальный магический полёт.

Девушка не чувствовала исходящего от него трупного запаха, не видела его уродства, не ощущала энергетического ужаса. Их взгляды соединились, образуя один длинный коридор от её души до глубин бездны, тленного ада.

В это время неожиданно совсем близко раздался чей-то громкий, взволнованный крик.

Они резко дёрнулись, разорвав звено в цепи соединения. Девушка мгновенно вернулась в себя, широко открыв большие синие глаза, наполненные разумом. Тёмное пятно над ней быстро скользнуло куда-то в сторону. Из души девушки вырвался стон. С трудом поворачивая голову вправо, Симона увидела тень, скользнувшую в приоткрытую дверь замка.

Слова доносились всё громче, всё ближе и всё чаще, девушка попыталась встать, приподнялась, резко упала, вновь ударившись головой, теперь уже о землю, и потеряла созна-

ние.

Глава 9

Расставшись после университетской вечеринки, сокурсники, немного пошутив и пофантазировав, разбрелись по своим домам. Род их занятий говорил сам за себя: их прельщало новое, неопознанное, и смысл их жизни с юности был построен на фундаменте вечных поисков и познаний. Скрывшись под крышами своих домов, они целиком и полностью погружались в книги и учебники, дающие информацию о новом и неизвестном. Андре, отполировав свои очки, включив настольный свет, уютно расположился на мягком уютном диванчике, поджав ноги под себя. Он увлёкся новой книгой, найденной в одной из очень старых библиотек. Его интересовали камни, скульптуры, алхимия, он искал вопросы и ответы, погружаясь целиком и полностью в любую информацию, связанную с этим. В комнате царила тишина, и только тиканье настольных часов говорило о течении времени и реальной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.